

МИРОВОЙ СУДЬЯ

Чему же все-таки следует учить мировых судей?

Структура норм, регламентирующих международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции

Надо ли в Российской Федерации ликвидировать частное обвинение?

Защита чувств верующих:
переосмысление проблемы

юрист
издательская группа

№ 2
2022

ISSN 2072-4152

МИРОВОЙ СУДЬЯ

№ 2
2022

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-29335 от 24 августа 2007 г. Выходит ежемесячно. Издаётся с 2003 г.

Учредитель журнала — Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Дорошков Владимир Васильевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики МГИМО МИД России, секретарь Пленума,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент
Российской академии образования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Апостолова Наталья Николаевна,
профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института
управления Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент

Воскобитова Лидия Алексеевна,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Каплина Оксана Владимировна,
заведующая кафедрой уголовного процесса
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого
(г. Харьков, Украина), доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
национального исследовательского университета имени С.П. Королева,
доктор юридических наук, профессор

Павликов Сергей Герасимович,
руководитель Департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета при Правительстве РФ,
доктор юридических наук, профессор

Патов Николай Александрович,
проректор Московского психолого-социального университета (МПСУ),
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор,
академик Российской академии образования

Полов Иван Алексеевич,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник Министерства внутренних
дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Примаков Татьяна Клавдиевна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, профессор

Сачков Андрей Николаевич,
судья Ростовского областного суда, профессор кафедры теории и истории
государства и права Ростовского филиала «Российский государственный
университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Гринцевский Ю.В.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Подписка по России: «Почта России» — П1700, а также на сайте: www.lawinfo.ru

Содержание

Судебная власть и международное право

Цветков Ю.А. Чему же все-таки следует
учить мировых судей?.....2

Клевцов К.К. Структура норм,
регламентирующих международное
сотрудничество в сфере уголовной юстиции7

Штодина И.Ю., Штодина Д.Д.
К вопросу дистанционного зондирования
Земли в контексте обеспечения международной
информационной безопасности12

Уголовное судопроизводство

Титов П.М. Надо ли в Российской Федерации
ликвидировать частное обвинение?18

Мамедов А.Э. Защита чувств верующих:
переосмысление проблемы.....22

Пonomarev Н.С. Дискуссионные вопросы
момента окончания продолжаемого
взятничества: критический анализ
разъяснений пленумов Верховных Судов
СССР и РФ.....29

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Использование материалов в других изданиях допускается только
с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук
(12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Вниманию наших авторов!

Материалы журнала размещаются в электронной
справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

Формат 170x252. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 3,0.

Усл. печ. л. 3,0. Цена свободная. Тираж 4000 экз. ISSN 2072-4152.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан в печать: 26.01.2022. Выход в свет: 03.02.2022.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного
разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Чему же все-таки следует учить мировых судей?

Цветков Юрий Анатольевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
судья в отставке, кандидат юридических наук, доцент
yutsvet@yandex.ru

Развивая тему, поднятую профессором В.В. Дорошковым, автор с учетом своего опыта работы мировым судьей расставляет акценты в юридическом образовании будущего мирового судьи, а также определяет те дополнительные управленческие компетенции, овладение которыми необходимо для эффективной организации работы судебного участка.

Ключевые слова: мировой судья, мировая юстиция, судебный участок, помощник судьи, заведующий канцелярией, секретарь судебного заседания.

Через несколько месяцев работы мировым судьей я заметил на столе у своей помощницы несколько журналов. Оказалось, что все судебные участки получают по подписке ряд изданий. На вопрос, почему они не доходят до меня, помощница пояснила, что моя предшественница дала указание эту «макулатуру» ей не приносить, а сразу выбрасывать в мусорное ведро. Несмотря на то что это указание я отменил, реально почти ничего так и не прочитал. В силу загруженности удавалось лишь просматривать на предмет актуальных изменений в законодательстве «Российскую газету», а также более или менее внимательно изучать ежемесячные выпуски «Бюллетеня Верховного Суда РФ». Поэтому опубликованная в ноябрьском выпуске журнала статья судьи Верховного Суда Российской Федерации в отставке профессора В.В. Дорошкова «По какому пути направить обучение мировых судей в России?»¹, равно как и эта моя статья, вряд ли будут когда-то прочитаны теми, кому адресован журнал. Между тем взгляд человека, долго находившегося на вершине судебной иерархии, на тот самый грешный мир судей, стоящих на самой нижней ступени этой иерархии, интересен уже в силу той огромной дистанции, которая разделяет эти два уровня.

В образовании и воспитании мировых судей я, так же как и профессор В.В. Дорошков, выступаю за все хорошее и против всего плохого. Действительно, стоит ли спорить с тем, что «недопустимо

пропагандировать студентам разврат, корысть» или что судья должен «сделать существующий мир лучше»? Безусловной поддержки заслуживают призывы вернуться к заветам основателя российской науки М.В. Ломоносова, который, кстати, первым сформулировал популярную сейчас идею «сбережения русского народа»². А вот предложение вновь научиться мыслить и действовать «по-русски» применимо далеко не ко всем мировым судьям, учитывая, что некоторые из них русскими не являются и работают на судебных участках, на территории которых проживают представители других национальностей. Им как раз придется научиться мыслить «по-татарски», «по-калмыцки» или «по-тувински», чтобы разобраться в тонкостях местных отношений. Но это частности. В целом же патриот, обладающий высокими нравственными качествами, отнюдь не всегда будет эффективным мировым судьей. Моральный уровень мирового судьи если и должен быть выше, чем у среднестатистического гражданина, проживающего на территории его участка, то лишь на несколько миллиметров, чтобы не сильно отрываться от народа и хорошо понимать его простые житейские интересы. А вот для того чтобы успешно справляться со своими обязанностями, мировому судье действительно нужны дополнительные знания, которые он вряд ли получит в юридическом вузе.

¹ Дорошков В.В. По какому пути направить обучение мировых судей в России? // Мировой судья. 2021. № 11. С. 2–8.

² Ломоносов М.В. О сохранении и размножении русского народа // О сохранении русского народа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 16.

Рассуждая о том, чему следует обучать мировых судей, необходимо сразу же говорить, о какой подготовке идет речь — о вузовской подготовке юриста, который потенциально может стать кем угодно, в том числе и мировым судьей, или о профессиональной переподготовке впервые назначенных мировых судей. Если рассматривать этот вопрос в плоскости высшего образования, то он практически лишен смысла. Даже если взять специализированный вуз — Российский государственный университет правосудия, — то его выпускники (за исключением целевиков) обязательства прохождения дальнейшей службы в судебной системе не связаны. Для назначения на должности судей необходим стаж работы по юридической специальности не менее пяти лет, поэтому выпускник вуза ни при каких обстоятельствах судьей сразу не станет, а за пять лет он может и передумать. Кадровый резерв для назначения на должности мировых судей — это в первую очередь работники аппаратов судов, которые, как правило, получают заочное образование в непрофильных юридических вузах. В этом, кстати, принципиальное отличие обучения в РГУП от обучения в других ведомственных вузах, включая академии СК России. Наши выпускники обязаны отработать в следственных органах не менее пяти лет. В недалекой перспективе, имея две собственные академии, Следственный комитет сможет восполнять кадровые потребности всего ведомства.

Таким образом, если по отношению к следователям постановка вопроса об особенностях подготовки в вузе имеет смысл, то по отношению к судьям — нет. Реальной школой подготовки для большинства будущих судей становятся аппараты судов. В судебной системе, где каждое новое поколение воспроизводит основные паттерны организационной и производственной культуры предшествующих поколений судей, создается мощный эффект преемственности. Если в обществе существует запрос на трансформации судебного менталитета, то удовлетворить его можно только посредством разрыва сформировавшегося стереотипа.

Вот и профессор В.В. Дорошков, ссылаясь на заветы Ломоносова, призывает воспитывать в мировых судьях гражданское мужество, дерзость и привычку не заискивать перед начальством. Сразу хочется за-

дать судье — секретарю Пленума Верховного Суда РФ в отставке вопрос: какие у такого дерзкого и не заискивающего перед начальством мирового судьи будут шансы достичь таких же высот в судебной иерархии и сделать столь же блестящую карьеру, как и у Владимира Васильевича? Ведь все-таки, если реально оценить всю систему первичного (при назначении) и последующего (при повышении) отбора в судебной системе, то главным в ней будет подбор форматных, т.е. в наибольшей степени похожих на среднестатистического судью, кандидатов и, соответственно, отсеивать неформатных. В этом смысле и по своему социальному составу, и по менталитету судебский корпус, возможно, один из самых монолитных и отформатированных.

По тем же основаниям прекрасной в идее, но спорной на практике представляется мысль профессора о том, что при отборе кандидатов на должности следует в первую очередь выявлять наличие у них призвания быть мировым судьей. Наверное, если бы речь шла об английских магистратах с их многовековой традицией или дореволюционных русских мировых судьях, которые образовывали автономную систему мировых судов, то такая постановка вопроса имела бы смысл. Русские мировые судьи были представлены уважаемыми, состоявшимися людьми, обладавшими широкими границами судебного усмотрения и способными в силу всего этого привнести в отправление правосудия свой богатый жизненный опыт. Наверное, на каком-то жизненном этапе они действительно принимали для себя решение избираться в мировые судьи в силу открывшегося с годами призвания, равно как в земские учреждения пошла русская интеллигенция, включая и Толстого, и Чехова. Однако в современной России мировые судьи есть, а мировых судов нет. Мировые судьи сейчас — это фактически младшие судьи, занимающие низшую ступень в судебской иерархии и прочно вписанные в единую судебную систему³. Другими словами, мировая юстиция — это отнюдь не автономная самодостаточная система, представляющая собой некую ценностную альтернативу корпорации профессиональных судей.

³ Цветков Ю.А. Концептуальные проблемы мировой юстиции в современной России // Мировой судья. 2014. № 5. С. 10–14.

Трудно представить себе, что работник, стоящий на низшей ступени карьерной лестницы, чувствовал в себе призвание все время оставаться на этой ступени, не расти ни в карьерном, ни в профессиональном смысле. Странно также ожидать, чтобы он не стремился улучшить свое материальное положение, исходя из того, что зарплата судьи районного суда, стоящего в иерархии лишь на одну ступень выше мирового, примерно на 30% выше. Именно поэтому одна из основных функций современной отечественной мировой юстиции — быть школой и кадровым резервом федеральных судов.

Таким образом, вопрос обучения мирового судьи приобретает смысл только в плоскости профессиональной переподготовки, которая вполне может быть реализована на базе РГУП и его филиалов. Здесь-то и возникает вопрос, чему учить только что назначенных мировых судей, если на это отводится не более двух месяцев. Изначально необходимо разделить два направления их подготовки. Первое направление (оно же, как правило, оказывается единственным) — это получение знаний, которые понадобятся им как судьям, т.е. главным образом некоторые юридические знания, но не только. Второе направление — это подготовка мировых судей как управленцев, которые должны будут возглавить судебный участок с его аппаратом, канцелярией и архивом. Именно этому, второму направлению, на практике весьма сложному и ответственному, мировых судей никто не учит. Скажем больше, и председателей судов теории управления не обучают, поэтому последние зачастую копируют манеру управления у председателя вышестоящего суда или председателя суда, под началом которого произошло их профессиональное становление. Но это отдельный вопрос. Здесь, однако, необходимо твердо усвоить: мировой судья — это не только юрист, но и управленец.

Итак, начнем с того, чему дополнительно следует обучить недавно назначенного мирового судью? Здесь уместно воздать должное работе мировым судьей, которая лично для меня, криминалиста, оказалась двухгодичным курсом повышения квалификации. Я освоил рассмотрение гражданских дел и дел об административных правонарушениях; хотя и был водителем, но узнал много тонкостей о применении ПДД,

а в части уголовного права хорошо разобрался в институте наказания. И конечно, для того чтобы все это освоить, требуются длительная практика и хороший **наставник**. Однако института наставничества в судах нет, считается, что это не вполне конституционно. Хотя известно, что ни одним ремеслом без хорошего наставника быстро и качественно овладеть невозможно. Тот же Ломоносов для этого долго стажировался за границей, хотя периодически у него и возникали конфликты с наставниками. Председателем суда, в котором мне довелось работать, была опытный судья-цивилист. Она научила меня структуре и логике написания судебного решения и ряду тонкостей рассмотрения именно гражданских дел. Однако далеко не все председатели готовы уделять много времени обучению начинающих судей. Поэтому институт наставничества в какой-то форме следует в судах организовать. Оно должно осуществляться до присвоения первого квалификационного класса, а сам наставник обязан будет участвовать в рассмотрении этого вопроса квалификационной коллегией.

Какие компоненты следует добавить в обучение в части отправления правосудия?

Во-первых, необходимо заново освоить, в том числе с решением задач, некоторые разделы **математики**. Мировые судьи рассматривают преимущественно гражданские дела, и в их работе расчеты занимают значительный объем: начиная от суммы государственной пошлины за подачу иска и заканчивая расчетами, связанными с разделом имущества, алиментами, размерами задолженностей за оказание коммунальных услуг, определением суммы, подлежащей взысканию в случае частичного удовлетворения иска, и т.д. Для этого потребуется вспомнить правила определения пропорций, решения уравнений и т.д. Все это в пределах курса математики средней школы, однако если такие знания долго не используются (что характерно для большинства юристов), они напрочь забываются.

Во-вторых, любому судье, а начинающему особенно, требуется овладеть навыками фасилитатора, или, как чаще говорят в нашей стране, **модератора**. Они применяются для управления групповой коммуникацией. Конечно, можно сказать, что председательствующему достаточно знания и точного применения норм процессуаль-

ного права, но это весьма поверхностный взгляд на проблему. Музыканты знают, что одну и ту же партитуру с разным дирижером оркестр играет по-разному, так что даже не догадаешься, что играли одно и то же произведение. Это называется интерпретацией музыкального произведения и является визитной карточкой любого крупного дирижера. А вот судебное заседание, даже по более или менее однотипным делам, может проходить совершенно по-разному в зависимости от индивидуальных особенностей сторон и их представителей. Чтобы они вели себя корректно и конструктивно, а судебное заседание проходило быстро и результативно, и необходимы навыки модератора. Председательствующий должен всегда аккуратно подавливать на стороны, чтобы направлять ход процесса к логическому разрешению дела. Он не может себе позволить растеряться в нештатной ситуации, например когда поведение кого-то из участников процесса становится вызывающим и опасным. Моя помощница говорила, что с моим приходом стороны стали вести себя в процессе приличнее, и объясняла она это тем, что судьей стал мужчина, которого стороны побаиваются. Однако если это и так, то причина, скорее, в том, что я уже обладал опытом работы следователем и руководителем, а значит, и опытом проведения совещаний. Именно это и помогало мне держать процесс под контролем и никогда не позволять кому бы то ни было перехватывать у меня инициативу. Но молодых судей необходимо этим навыкам обучать.

Поскольку мировые судьи рассматривают в основном гражданские дела, а опыта работы по уголовным делам у большинства из них не было, каждое более или менее нестандартное уголовное дело ставит их в тупик. Особую растерянность вызывают у них дела частного обвинения, где никаких готовых материалов для них нет, и судьям фактически приходится становиться следователями. Для того чтобы не просто формально рассматривать такие дела, а прогнозировать возникновение возможных проблем при их рассмотрении, видеть подводные камни, которые закладываются на стадии предварительного расследования или оперативно-разыскной деятельности (ОРД), тщательно маскируются и всплывают лишь в ходе судебного рассмотрения, для таких судей целесообразно организовывать **стажировку**. Она может

проходить в прокуратуре, где как раз и научат выявлять нарушения, а также в органах предварительного следствия и дознания, но опять-таки под наблюдением прокурорского работника, чтобы не выработать толерантности к различным неприемлемым практикам. В крайнем случае, если такая стажировка опять-таки покажется не вполне конституционной, за такими судьями необходимо закреплять наставника из судей-криминалистов с опытом следственной работы.

Перейдем теперь ко второму направлению обучения мировых судей — навыкам **управления**. Мировой судья — это руководитель малой группы: аппарата суда, состоящего из трех человек — помощника судьи, секретаря судебного заседания и заведующего канцелярией. Нередко мировые судьи, особенно в крупных городах, исполняют обязанности еще по одному и более судебным участкам. Так, я исполнял обязанности еще по двум участкам и организовывал работу девяти человек. Сюда же надо добавить оперативное управление представителями других служб (судебными приставами, сотрудниками конвойной службы ФСИН России), а равно взаимодействие с прокуратурой, адвокатским бюро и т.д. Поэтому мировой судья дополнительно к тому, что овладел работой судьи, должен также быть неплохим менеджером, и не стоит стесняться этого слова. Мировой судья плюс его аппарат — это единая команда, и только в командной работе они могут достичь хороших результатов. Наличие даже одного слабого звена в этой команде будет иметь критические последствия. Отсюда первая по значимости задача — овладение основами **рекрутмента и управления персоналом**, т.е. подбора и расстановки сотрудников. В жестком менеджменте существует правило: «Нанимай медленно — увольняй быстро»⁴. Однако мировой судья должен уметь не только быстро определить профессиональную непригодность сотрудника аппарата и принять меры к его увольнению, но и быстро подобрать нужного и надежного сотрудника, обучить его, поддерживать на высоком уровне мотивацию, предотвращать конфликты и создавать здоровый морально-психологический климат.

⁴ Кеннеди Д. Жесткий менеджмент: Заставьте людей работать на результат / пер. с англ. Д. Глоба-Михайленко. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 59.

Не менее важной задачей является организация работы судебного участка и управление временем, известное также как **тайм-менеджмент**, чему уже была посвящена отдельная статья⁵.

Наконец, необходимо обеспечить такую серьезную составляющую работы судебного участка, как организация **делопроизводства**. Имея опыт работы в различных ведомствах, могу с сожалением отметить, что культура подготовки служебных документов в судах находится на недостаточно высоком уровне. Однако это не главное. Судебный участок включает в себя канцелярию и архив. На нем осуществляются прием, отправленные и регистрация входящих и исходящих документов, учет уголовных, гражданских и иных дел и ведение по ним картотеки, исполнение решений и приговоров в части наказания в

виде штрафа и, соответственно, изготовление исполнительных листов на бланках строгой отчетности, списание дел в архив и т.д. В основном все эти функции выполняет заведующий канцелярией. Однако мировой судья в целях надлежащего контроля должен по крайней мере разбираться в этих вопросах, а в идеале — в том числе чтобы заменить отсутствующего сотрудника — уметь самостоятельно выполнить любую работу, входящую в круг служебных обязанностей сотрудников своего аппарата.

Изложенные мною предложения отнюдь не претендуют на полноту и бесспорность. Цель статьи — разорвать определенные шаблоны и стереотипы в вопросе обучения и воспитания мировых судей, приблизить эту деятельность к реальным потребностям практики. Тогда мировые судьи если и не сделают мир лучше, как надеется профессор В.В. Дорошков, то хотя бы не сделают хуже ни себе, ни окружающим.

⁵ Цветков Ю.А. Судебный тайм-менеджмент // Мировой судья. 2020. № 1. С. 24–31.

Литература

1. Дорошков В.В. По какому пути направить обучение мировых судей в России? / В.В. Дорошков // Мировой судья. 2021. № 11. С. 2–8.
2. Кеннеди Д. Жесткий менеджмент: Заставьте людей работать на результат / Д. Кеннеди; перевод с английского Д. Глоба-Михайленко. 2-е изд. Москва : Альпина Паблишер, 2013. 290 с.
3. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении русского народа / М.В. Ломоносов // О сохранении русского народа. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. 839 с.
4. Цветков Ю.А. Концептуальные проблемы мировой юстиции в современной России / Ю.А. Цветков // Мировой судья. 2014. № 5. С. 10–14.
5. Цветков Ю.А. Судебный тайм-менеджмент / Ю.А. Цветков // Мировой судья. 2020. № 1. С. 24–31.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Верховным Судом РФ подготовлен одиннадцатый за 2021 год обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

Обзор включает в себя практику Европейского Суда по правам человека в сфере: административно-правовых отношений (в частности, вопросы сбора и сохранения биометрических данных на удостоверениях личности); гражданско-правовых отношений (в частности, право на свободу выражения мнений и вопросы назначения пенсии по старости); гражданско-процессуальных отношений (право на справедливое судебное разбирательство); уголовных и уголовно-процессуальных отношений (в частности, вопросы недопустимости использования доказательств по делу, полученных вследствие подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов).

Отмечается, что в целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека.

См.: Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 11 (2021)

Структура норм, регламентирующих международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции

Клевцов Кирилл Константинович,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
klevtsov001@gmail.com

С опорой на выкладки общей теории права предпринята попытка рассмотреть структуру норм, регулирующих взаимодействие государств в сфере уголовно-процессуального права, в результате чего автор приходит к соответствующим выводам, имеющим значение для оптимизации в целом международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: уголовный процесс, нормы, международное сотрудничество, правовая помощь, выдача (экстрадиция), передача судопроизводства.

В юриспруденции под нормами¹ (*legal norms*), выражаясь метафорически, разумеют первоначальную «клеточку» в системе права, представляющую собой общеобязательное правило поведения, выраженное в законах, иных признаваемых государством источниках и выступающее в качестве критерия правомерно дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения субъектов права².

На протяжении уже долгих лет в теории права используются строго определенная структура и классификация норм, которую, на наш взгляд, можно экстраполировать на отношения, складывающиеся при осуществлении международного сотрудничества в досудебном производстве по уголовным делам. Заметим, что критерии, лежащие в ее основе, одинаковы как для международной, так и для националь-

но-правовых систем (запрашиваемого и запрашивающего государств)³.

По общему правилу любая норма права имеет трехчленную структуру и состоит из *гипотезы, диспозиции и санкции*⁴.

³ Стоит предварительно заметить, что *запрашивающим* является государство, компетентный орган которого обращается с запросом об осуществлении отдельного вида сотрудничества (выдачи, правовой помощи, передачи уголовного преследования и др.), а *запрашиваемым* выступает государство, компетентный орган которого получает (рассматривает) запрос. В немецкой литературе отмечается, что такой подход неприменим в рамках Европейского Союза, основанного на взаимном признании решений (к примеру, при реализации европейского ордера на арест или на следственные действия). See: Schomburg W., Lagodny O. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (International Cooperation in Criminal Matters): Kommentar 6, vollig neu bearbeitete Auflage. Munchen : C.H. Beck, 2020. S. 2.

⁴ Гипотеза всегда указывает на условие, при наличии которого необходимо руководствоваться данной нормой, диспозиция же определяет само правило поведения, которого стоит придерживаться или нет (она закрепляет права и обязанности участников правовых отношений), а санкция устанавливает негативные последствия, которые возникают в связи с нарушением диспозиции соответствующей нормы (Подробнее см.: Теория государства и права : учебн. / Российский университет дружбы народов, Юридический институт ; под ред. А.А. Клишаса. М. : Статут, 2019. С. 266–267).

¹ На академическом уровне в качестве синонимов используются также термины «правовая норма», «юридическая норма», «нормативное предписание» (См.: Алексеева Л.Б. Некоторые вопросы структуры уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 17. С. 86 ; Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М. : Статут, 2010. С. 72–73). В настоящем исследовании автор придерживается указанной парадигмы относительно приведенных выше терминов.

² Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 8 : Учебники и учебные пособия. М. : Статут, 2010. С. 142.

Гипотезы [hypothesis] закреплены в первоначальных статьях международных договоров, посвященных отдельным видам сотрудничества в досудебном производстве по уголовным делам, поскольку определяют условия их реализации (например, ст. 1 Европейской конвенции о выдаче ЕТС № 024 от 13.12.1957, далее — Европейская конвенция № 024)⁵.

Не отстает в этом плане и национальное законодательство. Так, часть 2 ст. 459 Уголовно-процессуального кодекса⁶ (далее — УПК РФ) предусматривает условия, при наличии которых решается вопрос об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации. При этом в зависимости от строения самой гипотезы бывают как простые (одно условие), так и сложные (несколько условий).

Диспозиции [disposition] в зависимости от формы выражения подразделяются на *управомочивающие, обязывающие и запрещающие*⁷. Как правило, они имеют регулятивную правовую природу.

В качестве примеров *управомочивающих диспозиций* стоит привести ст. 7 Европейской конвенции № 024, позволяющую запрашиваемому государству на свое усмотрение принять решение о выдаче лица, требуемого в связи с преступлением, совершенным полностью или частично на его территории. В то же время ч. 3 ст. 457 УПК РФ может, исходя из конкретных фактических и юридических обстоятельств, разрешить представителям иностранного государства присутствовать при исполнении запроса о правовой помощи на территории Российской Федерации. Как видится, указанные нормы предоставляют участникам международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции определенный круг прав, выбор которых напрямую зависит от их волеизъявления.

К примеру, статья 14 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам ЕТС № 30 от 20 апреля 1959 г.⁸ содержит обязательные элементы, которые должны быть зафиксированы в запросе о такой помощи при его направлении государствам-участникам. А статья 458 УПК РФ при наличии на это оснований и условий предписывает органам следствия направлять все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела исключительно в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для решения вопроса о передаче такого дела компетентным органам иностранного государства для осуществления уголовного преследования. То есть налицо *обязывающая диспозиция*.

Между тем стоит учитывать тот факт, что обязывающие и управомочивающие нормы в сфере сотрудничества вызывают двусторонний эффект, поскольку при наделении одного субъекта правами у второго в связи с этим появляются соответствующие обязанности. Например, при направлении запрашивающим государством запроса об осуществлении того или иного вида сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере запрашиваемое государство должно его рассмотреть и дать конкретизированный ответ. Следовательно, при реализации одной нормы сразу же реализуется другая.

Запрещающая диспозиция наиболее наглядно демонстрируется в п. 3 ст. 12 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.⁹ (далее — Минская конвенция), в силу которой нельзя применять средства принуждения или угрозы ими при вручении документов собственным гражданам через свои дипломатические представительства или консульские учреждения, а также при допросе на территориях указанных заграничных учреждений.

Кроме того, согласно п. 1 ст. 80 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г.¹⁰ (далее — Кишинев-

⁵ Европейская конвенция о выдаче ЕТС № 024 от 13 декабря 1957 г. // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

⁷ Управомочивающие очерчивают субъективные права с положительным результатом; обязывающие устанавливают обязанность соответствующего субъекта совершать определенные положительные действия; а запрещающие предписывают субъекту воздержаться от действий конкретного рода (запреты). См.: Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2000. С. 364–365.

⁸ Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ЕТС № 30 от 20 апреля 1959 г. // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2349.

⁹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. С. 3.

¹⁰ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств

ская конвенция), без согласия запрашиваемого государства выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности или подвергнуть наказанию за совершенное до его выдачи преступление, за которое оно не было выдано. В национальном ключе следует выделить ч. 6 ст. 463 УПК РФ, в соответствии с которой запрещается в ходе судебного рассмотрения обсуждать вопросы виновности экстрадируемого лица, принесшего жалобу на данное решение.

Заключительным элементом нормы, как было отмечено выше, является *санкция* [sanction]. При осуществлении международного сотрудничества в досудебном производстве по уголовным делам санкция имеет своей целью восстановление прав и предупреждение нарушений международных договоров и (или) национального законодательства как запрашиваемого, так и запрашивающего государства.

Впрочем, санкции имеют несколько специфический характер, особенно для запрашивающего государства из-за ограниченности распространения своей исполнительной юрисдикции на территории иностранного государства. К примеру, при направлении запроса иностранным коллегам о вручении повестки лицу, находящемуся на их территории, запрашивающее государство не может применить меры принуждения на территории последнего при игнорировании направленного процессуального документа. Таким правом обладает исключительно запрашиваемое государство в пределах собственной территории.

Это отнюдь не означает, что санкции теряют свое предназначение для запрашивающего государства. Например, при допросе правоохранительными органами запрашиваемого государства лица с применением к нему пыток и других жестоких, бесчеловечных или уни-

жающих достоинство видов обращения по запросу запрашивающего государства последнее наделено правом признать доказательства, полученные подобным путем, недопустимыми, тем самым опосредованно компенсируя нарушенное право через механизм недопустимых доказательств. А в некоторых ситуациях и решить вопрос о привлечении лиц к уголовной ответственности, которые применяли пытки в отношении допрашиваемого лица, принимая во внимание представленные таким лицам все возможные иммунитеты.

В зависимости от выполняемой роли при задействовании механизма международного сотрудничества в досудебном производстве по уголовным делам встречаются такие специализированные нормы, как *дефинитивные, декларативные (нормы-принципы), обеспечительные, оперативные и коллизионные*.

Дефинитивные нормы отражают содержание той или иной правовой категории, тем самым определяя ее. Если обратиться к ряду международных договоров, регламентирующих вопросы сотрудничества государств в уголовно-процессуальной сфере, то представляется возможным вычленить указанный вид специализированных норм.

К примеру, ст. 2 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.¹¹, содержит различные определения терминов — в частности, что следует понимать под приостановлением операций (замораживанием) или арестом, в основном реализующимся через механизм правовой помощи по уголовным делам. Имеются и другие примеры в контексте международного права (ст. 1 Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам ETS № 073 от 15.05.1972)¹².

Заметим, что в УПК РФ не содержатся в ст. 5 (основные понятия) дефинитивные нормы, которые напрямую раскрывают те или иные аспекты международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, в том числе на досудебных стадиях. Данный пробел, как нам представляется, является существенным недостатком, поскольку приводит на практике к путанице и смешиванию отдельных видов сотрудничества. К примеру, не указывается, что следует понимать под взаимной правовой по-

и Совета глав правительств СНГ. 2002. № 2 (41). С. 82–130.

Стоит также сказать, что данный международный договор по состоянию на 9 декабря 2021 г. еще не вступил в силу для Российской Федерации, однако закон о его ратификации находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации (См.: Паспорт законопроекта № 27390-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/27390-8> (дата обращения: 09.12.2021)). Как представляется, к моменту опубликования настоящей статьи данная конвенция уже вступит в силу для Российской Федерации, вследствие чего положения Минской конвенции потеряют свою силу, за исключением только тех государств, которые не стали участниками нового соглашения (ч. 3 и 4 ст. 120 Кишиневской конвенции).

¹¹ Резолюция 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

¹² Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам ETS № 073 от 15 мая 1972 г. // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 724.

мощью по уголовным делам, выдаче (экстрадиции) лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, передаче уголовного преследования (судопроизводства) и т.д.

Декларативные (нормы-принципы) нормы наиболее ярко проявляются как в различных статьях международных договоров, так и в УПК РФ. При этом следует принимать во внимание тот факт, что специального раздела или части, которая посвящалась бы принципам международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции, в приведенных выше правовых актах не содержится. Такие декларативные нормы выделяются по ходу изучения приведенных документов, исходя из их правовой природы.

Так, в большинстве соглашений предусмотрено положение, согласно которому сотрудничество осуществляется с учетом принципа «двойной криминальности»¹³, или «*non bis in idem*» (не дважды за одно и то же)¹⁴. Об этом наглядно свидетельствуют ст. 2 и ст. 9 Европейской конвенции № 024, подп. «b» п. 1 ст. 5 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, п. 1 ст. 7 и ст. 35-37 Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам, п. 2 ст. 66 и под. «в» п. 1 ст. 89 Кишиневской конвенции и др. Не отстает в этом смысле и национальное законодательство (ч. 2 ст. 466 и подп. 3 и 6 ч. 1 ст. 464 УПК РФ).

Соответственно, учредительные нормы конструируют скелет международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, на который в дальнейшем наращиваются иные специализированные нормы в качестве

тканей, тем самым образуя живой организм. Такие нормы служат отправной точкой и задают модель отношений между субъектами данного вида взаимодействия, а также помогают в практической деятельности, решая вопросы по аналогии, восполняя пробелы, возникшие при осуществлении международного сотрудничества в досудебном производстве по уголовным делам.

Обеспечительные нормы наряду с нормами-принципами служат квинтэссенцией международного сотрудничества по уголовным делам, поскольку направлены на защиту прав, свобод и интересов лиц, оказавшихся в данных отношениях. Впрочем, субъектами реализации обеспечительных норм (гарантий) являются государства в лице своих компетентных органов и должностных лиц.

Например, статья 12 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам предоставляет лицу, явившемуся по повестке, выданной компетентными органами запрашивающего государства для производства процессуальных действий на его территории, гарантию того, что такое лицо не подвергнется уголовному преследованию или задержанию или иным ограничениям его личной свободы на территории последнего за деяния или по обвинениям, которые предшествовали его отъезду с территории запрашиваемого государства. Более того, обеспечительные нормы претворяются в жизнь и через механизм обжалования. Так, статья 463 УПК РФ содержит возможность обжалования решения о выдаче лица и судебной проверки его законности и обоснованности.

Оперативные нормы применительно к рассматриваемому инструментарию, как правило, закреплены в заключительных положениях международных договоров, которые определяют начало действия недавно принятых норм. Знаменательным для Российской Федерации является момент вступления в силу долгожданной Кишиневской конвенции, положения которой начинают действовать для России на тридцатый день с даты сдачи на хранение депозитарию ратификационной грамоты (п. 2 ст. 120).

В контексте внутригосударственного права оперативные нормы предусмотрены в законодательных актах, которые направлены на оптимизацию международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. Очевидно, что это в первую очередь касается законодательных актов о внесении изменений в УПК РФ.

Здесь уместно привести Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 329-ФЗ «О внесении

¹³ Данный принцип означает, что преступное деяние, за которое лицо подлежит выдаче, является уголовно наказуемым как в стране, которая направила соответствующий запрос, так и в стране, которая получила данный запрос. (See: Plachta M. The role of double criminality in international cooperation in penal matters. Double Criminality Studies in International Criminal Law / Ed. by N. Jareborg (eds) // Double criminality: Studies in International Criminal Law. Uppsala : Iustus Forlag, 1989. P. 84–134).

¹⁴ Его суть состоит в том, что никто не должен нести уголовную ответственность и наказание дважды или быть повторно осужденным за одно и то же преступление. Однако в ходе правоприменительной практики данный принцип имеет свои исключения и особенности (См: Принцип *non bis in idem* (не дважды за одно и то же) и проблемы его реализации в России и зарубежных странах : моногр. / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2017. 210 с.).

изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹⁵ (далее — Федеральный закон № 329-ФЗ), которым были внесены «косметические» поправки применительно к субъектам уполномоченных направлять и исполнять запросы об оказании правовой помощи. Из списка таких субъектов исключена Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Так, статья 4 указанного нормативно-правового акта содержит оперативную норму, закрепившую, что Федеральный закон № 329-ФЗ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Наконец, *коллизийные нормы* в доктрине и практической деятельности представляют особый интерес, поскольку указывают на нормативные предписания, применимые в конкретном случае при столкновении нескольких правовых положений. Анализ международных договоров по рассматриваемому вопросу позволил сделать вывод, что такие нормы, так же, как и оперативные, содержатся в конце таких соглашений.

Например, статья 28 Европейской конвенции № 024 предписывает, что ее нормы в отношении тех стран, к которым она применяется,

имеют преимущество перед положениями любых двусторонних соглашений, регулирующих выдачу между любыми двумя государствами-участниками. В УПК РФ хрестоматийным примером является ч. 3 ст. 1, объявившая примат международно-правовых норм над российскими уголовно-процессуальными предписаниями при их столкновении — за некоторым исключением¹⁶.

Обобщая все изложенное выше, можно сделать промежуточный вывод, что структура норм, регламентирующих взаимодействие государств в сфере уголовного судопроизводства, имеет некоторые особенности, которые стоит учитывать правоприменителям при толковании таких нормативно-правовых предписаний. В первую очередь это детерминировано тем, что подобные нормы закреплены в различных автономных правовых системах, а именно в международной и национальных правовых системах. При этом структура приведенных норм базируется на теоретических выкладках, выработанных общей теорией права.

¹⁵ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4262.

¹⁶ В качестве такого исключения выделяются случаи, когда ратифицированные нормы международного права в их истолковании противоречат Конституции Российской Федерации. При этом указанное противоречие устанавливается не в рамках дискреционных полномочий, представленных соответствующим участникам уголовного процесса, а в порядке, установленном гл. XIII Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Литература

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 2. Специальные вопросы правоповедения / С.С. Алексеев. Москва : Статут, 2010. 469 с.
2. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 8. Учебники и учебные пособия / С.С. Алексеев. Москва : Статут, 2010. 478 с.
3. Алексеева Л.Б. Некоторые вопросы структуры уголовно-процессуального права / Л.Б. Алексеева // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 17. С. 74–88.
4. Принцип *non bis in idem* (не дважды за одно и то же) и проблемы его реализации в России и зарубежных странах : монография / под общей и научной редакцией С.П. Щербы. Москва : Юрлитинформ, 2017. 210 с.
5. Теория государства и права : курс лекций / под редакцией Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2000. 771 с.
6. Теория государства и права : учебник / под редакцией А.А. Клишаса. Москва : Статут, 2019. 510 с.

References

1. Plachta, M. The role of double criminality in international cooperation in penal matters / M. Plachta // Double Criminality Studies in International Criminal Law / ed. by N. Jareborg. Uppsala : Iustus Forlag, 1989. P. 84–134.
2. Schomburg, W. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen : International Cooperation in Criminal Matters : Kommentar / W. Schomburg, O. Lagodny ; zusammengestellt und erläutert von S. GleB, T. Hackner, S. Trautmann ; sowie bearbeitet von R. Riegel, C. Schierholt, T. Wahl, F. Zimmermann ; Unter Mitarbeit von G. Launhardt, S. Schomburg. 6 vollig neu bearbeitete Auflage Munchen : C.H. Beck, 2020. 2909 p.

К вопросу дистанционного зондирования Земли в контексте обеспечения международной информационной безопасности

Штодина Ирина Юльевна,
доцент кафедры международного права
Московского государственного института международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
dashashtodina96@gmail.com

Штодина Дарья Дмитриевна,
аспирант кафедры международного права
Московского государственного института международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
dashashtodina96@gmail.com

Вопрос обеспечения международной информационной безопасности в космическом пространстве входит в основную повестку дня как на международном, так и на национальном уровнях, однако в международном праве не было разработано каких-либо обязательных правовых норм, призванных гарантировать кибербезопасность космических аппаратов и сопутствующей наземной инфраструктуры. Признавая право на свободу информации, государства заявляют о необходимости отказа от идеи абсолютного государственного суверенитета в пользу признания возможности ограничивать передачу информации при осуществлении ДЗЗ (дистанционного зондирования Земли) и НТВ (непосредственного телевизионного вещания). В настоящей статье рассматриваются источники международного права, регулирующие осуществление ДЗЗ и НТВ, позиции развитых и развивающихся государств по вопросу правового регулирования прикладных способов исследования и использования космического пространства. Цель статьи состоит в анализе существующих проблем современного международного космического права в контексте обеспечения международной информационной безопасности с учетом развития кибертехнологий, используемых при ДЗЗ и НТВ.

Несмотря на различия международно-правовых позиций государств, решение существующей проблемы могло бы заключаться в разработке и принятии обязательных международно-правовых норм в данной сфере.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, дистанционное зондирование Земли, киберпространство, непосредственное телевизионное вещание, международное космическое право, кибератака.

Международная информационная безопасность (МИБ) — это новое направление в обеспечении безопасности деятельности человека во многих сферах деятельности — в прикладном исследовании и использовании космоса, в недропользовании, в информационной среде, в обеспечении бесперебойного и безопасного функционирования воздушного и морского видов транспорта. Определенной новацией является и обеспечение МИБ в так называемом киберпространстве, т.е. в среде, которая, по определению профессора С.И. Лорана, является социальной и технической реально-

стью, тесно связанной с политическим контекстом¹.

В современном международном праве (МП) еще нет однозначного универсального определения и МИБ, и самого киберпространства, однако очевидно, что обеспечение конфиденциальности получаемой информации, охрана авторских прав при получении и распространении информации, охрана государственной без-

¹ Данельян А.А., Гуляева Е.Е. Международно-правовые аспекты кибербезопасности // МЖМП. 2020. № 1. С. 45–53.

опасности тесно связаны с понятием информационной безопасности.

Сейчас в области МИБ действует не так много обязательных к исполнению норм международного права, например Конвенция о компьютерных преступлениях (Будапештская конвенция, 2001 г.), ряд двусторонних соглашений (Соглашение о сотрудничестве в сфере МИБ между Россией и Туркменистаном, 2019 г.), есть ряд резолюций о необходимости разработки конвенций в этой области, принятых на уровне ООН, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) от 1998 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в качестве международной безопасности» (A/RES/53/70²) или Резолюция ГА ООН от 2018 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (A/RES/73/27)³, в которой подчеркивается «...стремление международного сообщества к мирному использованию информационно-коммуникационных технологий...». В данной резолюции также указывается на то, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) «являются технологиями двойного назначения», о чем будет сказано далее⁴. Сам термин «информационно-коммуникационные технологии» также требует детального анализа, так как в международном праве не сложилось единого определения данного понятия⁵. Однако очевидно, что перечисленные резолюции относятся к нормам *soft law* («мягкого права»), а сегодня имеется запрос прежде всего на создание обязательных норм в этой сфере.

В статье будут рассмотрены проблемы информационной безопасности (ИБ), возникающие при осуществлении таких прикладных видов использования космического пространства, как ДЗЗ (дистанционное зондирование Земли) и НТВ (непосредственное телевизионное вещание), поскольку государства уже довольно давно и активно практикуют означенные виды использования космоса, но вопрос об информационной безопасности для прозондированных государств или государств, на территорию которых направлен поток непосредственного телевизионного вещания,

еще не оформлен обязательными договорными нормами. Это не означает, что проблемы информационной безопасности не стоят при осуществлении государствами других видов деятельности в космосе.

ДЗЗ можно определить как наблюдение поверхности Земли наземными, авиационными и космическими средствами, оснащенными различными видами съемочной аппаратуры. В Принципах, касающихся дистанционного зондирования Земли из космического пространства, принятых в 1986 г., ДЗЗ определяется как зондирование поверхности Земли из космического пространства посредством использования электромагнитных волн для распоряжения природными ресурсами, землепользования, охраны окружающей среды⁶. В Принципах различаются термины ДЗЗ и «деятельность по ДЗЗ», так как последняя подразумевает обработку, интерпретацию и распространение обработанных через специальные станции системы ДЗЗ-данных⁷. Правовое регулирование ДЗЗ определяется глобальным характером этого вида получения информации⁸ и большим многообразием субъектов, осуществляющих зондирование, — государств, физических и юридических лиц, международных межправительственных организаций. ДЗЗ осуществляется в пространствах с различными правовыми режимами — в государственных территориях, территориях международного пользования. Соответственно, в этой сфере действуют нормы не только МКП (международного космического права), но и административного права, уголовного права, нормы по охране интеллектуальной собственности и т.д. Очевидно, что для нас представляют интерес нормы, выработанные прежде всего в МКП. Кроме общих положений пяти договоров по космосу, Юридическим подкомитетом Комитетом ООН по космосу были сформулированы 17 принципов ДЗЗ, действующие и по настоящее время. Принятие этих рабочих принципов было весьма непростым делом, так как обозначились две противостоящие друг другу позиции групп государств —

² URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/53/70&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 01.12.2021).

³ URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 01.12.2021).

⁴ См. там же.

⁵ URL: <http://uis.unesco.org/en/glossary-term/information-and-communication-technologies-ict> (дата обращения: 01.12.2021).

⁶ Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства, приняты резолюцией 41/65 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/earth_remote_sensing.shtml (дата обращения: 01.12.2021).

⁷ См. там же.

⁸ Бабина Е.А. Международно-правовое регулирование дистанционного зондирования из космоса с помощью искусственных спутников Земли // Международное право. 2014. № 4. С. 1–16.

позиция индустриально развитых стран, которые уже обладали на момент подписания документа техническими способностями для зондирования, и стран, которые на тот момент могли стать только объектом зондирования, т.е. развивающихся и бедных стран. Очевидно, что при такой расстановке сил вряд ли можно было рассчитывать на подписание каких-либо обязательных договорных документов. Уже в момент принятия Резолюции 41/65 «Принципы ДЗЗ» было очевидно, что означенные принципы «не отличаются конкретностью»⁹. И все же в документе указывалось, что эта новая сфера деятельности развивается с учетом и в соответствии с Принципами международного права, закрепленными в Уставе ООН¹⁰. Например, зондирование из космоса должно проводиться «на благо и в интересах всех стран, независимо от уровня их экономического, социального или научно-технического развития и с особым учетом нужд развивающихся стран»¹¹. Деятельность по зондированию должна осуществляться на основе уважения принципа полного и постоянного суверенитета всех государств над своими богатствами и природными ресурсами. Однако, как справедливо указывалось в правовой литературе по данному вопросу, не совсем понятно, в чем должно состоять и конкретно выражаться это уважение и чего именно не допускает этот принцип. Не менее обтекаемо сформулирован и другой принцип — об осуществлении деятельности по ДЗЗ таким образом, «...чтобы не наносить ущерба законным правам и интересам зондируемого государства».

Важным с точки зрения вопросов обеспечения информационной безопасности для зондированного государства остается принцип 12, где указано: «Как только получены первичные данные и обработанные данные по территории, находящейся под юрисдикцией государства, зондируемому государству предоставляется доступ к ним на недискриминационной основе и на разумных условиях оплаты». Далее расположено положение о том, что «...зондирующее государство ...вступает, по просьбе, в консультации с государством, территория которого зондируется, с целью предоставления возможностей участия и увеличения получаемых от этого взаимных выгод» (Принцип 13).

Таким образом, идея абсолютного государственного суверенитета в случае с осу-

ществлением ДЗЗ не нашла поддержки в международном сообществе. Установлены лишь определенные, зачастую не очень четко сформулированные (скорее, бланкетные) правила по сбору и распространению полученной информации. Обращает на себя внимание тот факт, что в Правилах нет положения о предварительном уведомлении зондируемого государства о начале работ. Говорится только о возможном вступлении в диалог с зондируемым государством с целью предоставления возможностей участия и увеличения получаемых от этого взаимных выгод. Если зондируемое государство считает для себя планируемое или уже осуществляемое зондирование неблагоприятным, то оно может потребовать предварительных переговоров (по аналогии со ст. 9 Договора по космосу¹²).

Нет в Принципах и такого существенного пункта, как ограничение передачи информации третьим странам. Остается довольно пространное положение об ответственности государств при осуществлении ДЗЗ. Практически Принципы повторяют полностью положения ст. 4 Договора по космосу¹³, т.е. возможно предъявление претензий, если сам спутник вышел из-под контроля и причинил вред другому объекту (объектам) в космосе, на Земле или в воздушном пространстве. Однако есть и другие поводы для размышления по поводу ответственности зондирующего государства в распространении полученной информации. Например, из-за поломки или отказа зондирующего оборудования могут быть получены ошибочные данные, которые повлекут за собой распространение ошибочной информации, способной, в свою очередь, причинить ущерб организациям, лицам, оперировавшим данной ошибочной информацией. Могут быть допущены ошибки и при получении так называемой обработанной информации — и в оборот поступят данные, расходящиеся с фактическими. Первоначально полученные при ДЗЗ данные могут быть расположены в файле в неправильном порядке и также нанести ущерб пользователю. Если такая ошибочно обработанная или отсортированная информация поступит пользователям в таких областях, как метеопрогнозы, мониторинг состояния лесов, ситуаций природной или техногенной катастроф, ущерб может не просто быть существенным, а повлечь за собой человеческие жертвы. Не исключена и возможность распространения заведомо лож-

⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/earth_remote_sensing.shtml (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁰ URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations> (дата обращения: 01.12.2021).

¹¹ См. там же.

¹² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 01.12.2021).

¹³ Там же.

ной информации или непредоставления информации, носящей стратегически важный характер, зондируемому государству (например, мониторинг природных ресурсов).

Таким образом, мы видим, что проблемы ДЗЗ напрямую связаны с обеспечением информационной безопасности и ответственностью государств за распространение таковой. На сегодня Комитет ООН по космосу не разрабатывает нормативных, обязательных к исполнению норм в этой области, хотя необходимость в таковых остается высокой. Комитет разрабатывает технические программы по сотрудничеству в этой области, содействует исследованиям и распространению информации (пример — Конференция ЮНИСПЕЙС, проходившая еще в 1999 г.¹⁴).

Другим наиболее распространенным и коммерчески выгодным прикладным видом использования космоса, тесно связанным с обеспечением информационной безопасности, является НТВ. НТВ основывается на технических принципах спутниковой электросвязи. В части технических аспектов такое вещание регулируется в рамках Международного союза электросвязи¹⁵, в части правового обеспечения такая деятельность до сих пор не имеет специальных договорных норм, регулирующих ее. Между тем НТВ обладает определенной спецификой, обусловленной прямым распространением потока информации на пользователей. Анализом правового регулирования деятельности по НТВ активно занимались ведущие отечественные юристы — Верещетин В.С.¹⁶, Каменецкая Е.П.¹⁷, а также американские специалисты С. Эрвин¹⁸, Е. Гэллоуэй¹⁹, Дж. Пауэлл²⁰.

При осуществлении такой деятельности возникает много вопросов, связанных с совместимостью таковой с государственным суверенитетом, ответственностью государств за распространение информации, обеспечением международной информационной безопасности государств, охраной авторских прав и т.д.²¹

Данный вид деятельности регулируется не только Принципами НТВ, принятыми ГА ООН 10 декабря 1982 г.²², но и Генеральным соглашением по торговле услугами (ГАТС²³) и Приложением по телекоммуникационным услугам²⁴, принятыми в рамках ВТО и Конвенцией о распространении несущих программ сигналов, передаваемых через спутники, от 1974 г.²⁵ Кроме того, НТВ регулируется и на национальном уровне законодательством в области массовой информации.

Принятие Принципов НТВ в рамках Комитета по космосу сопровождалось острой борьбой, причем настолько острой, что стало примером отступления государств от принципа консенсуса, действующего в Комитете по космосу. Противоречия касались прежде всего таких принципиальных вопросов, как совместимость деятельности НТВ с принципом суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела, ответственность государств за распространение и характер распространяемой информации, требование учета специфики стран, получающих информацию при помощи такого вида вещания, требование обязательного уведомления принимающего государства и консультаций с ним до запуска службы НТВ. Можно добавить и проблему ответственности государств за качество и направленность распространяемой таким образом информации.

¹⁴ Доклад третьей Конференции Организации Объединенных Наций по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях. Вена, 19–30 июля 1999 г. URL: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_59_002R.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁵ URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/itu/> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁶ Верещетин В.С., Каменецкая Е.П., Василевская Э.Г. Космос: политика и право. М.: Прогресс, 1987. 202 с.

¹⁷ Каменецкая Е.П. Космос и международные организации: международно-правовые проблемы. М.: Наука, 1980. 168 с.

¹⁸ Ervin, S. Law in a Vacuum: The Common Heritage in Outer Space Law // Boston College International and Comparative Law Review. 1984. Vol. 9. Iss. 2. P. 403–431.

¹⁹ Galloway, E. Direct broadcast satellites and space law // Journal of Space Law. 1975. Vol. 3. Iss. 1–2. P. 3–17.

²⁰ Powell, J. Towards a Negotiable Definition of Propaganda for International Agreements Related to

Direct Broadcast Satellites // Law and Contemporary Problems. 1982. Vol. 45. Iss. 1. P. 3–350.

²¹ Адамов И.Н. Международно-правовое регулирование использования искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 4. С. 17–23.

²² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1982 г. № 37/92 «Принципы использования государствами искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания» // СПС «Гарант».

²³ URL: <https://base.garant.ru/2541542/> (дата обращения: 01.12.2021).

²⁴ URL: <http://www.vavt.ru/wto/wto/AnnexBasicTelecommunication> (дата обращения: 01.12.2021).

²⁵ URL: <https://new.fips.ru/documents/international-documents/konventsii/konventsiiya-o-rasprostraneni-nesushchikh-programmy-signalov-peredavaemykh-cherez-sputniki.php> (дата обращения: 01.12.2021).

Очевидно, что при диаметрально противоположных позициях западных государств, США и Японии, основывающихся на свободе получения и распространении информации, как это было закреплено во Всеобщей декларации прав человека²⁶, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах²⁷ и ст. 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 г.²⁸, с одной стороны, и позиции развивающихся стран и стран существовавшего на тот момент социалистического лагеря о необходимости получения предварительного согласия для прямого вещания через спутники, с другой стороны, выработка обязательных нормативных документов была практически невозможна. Именно поэтому принятые в 1985 г. Принципы НТВ отразили компромиссный вариант, а именно оставили только общее положение о том, что Принципы должны отражать применимость норм МП и международного космического права, в частности к этому виду прикладной деятельности в космосе. Интересным является и то, что при голосовании по Принципам за было 107 государств, 13 были против и 13 воздержались. Поэтому мнение проф. Яковенко А.В. или Р. Ли о том, что Принципы НТВ уже фактически являются источником обычного права, представляется как минимум спорным²⁹. Что касается права на информацию, как оно сформулировано во Всеобщей декларации и ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, то таковое не является абсолютным — хотя бы потому, что не входит в перечень прав, ограничение которых не допускается ни при каких обстоятельствах³⁰. Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что, даже не ссылаясь на Принципы НТВ как документ, обладающий силой обычной нормы права, государства все же имеют право ограничить поток поступающей информации, если такие ограничения установлены внутренним законом государства и необходимы в демократическом обществе. Для регулирования такого нежелательного потока поступающей информации, в том числе для обеспечения своей национальной безопасности, государство может прибегать к различным техническим ме-

рам — включение спутникового канала в список террористических организаций и прекращение вещания данного канала (канал Al-Manar TV был запрещен в США и других европейских странах³¹), другим примером может быть запрещение ЕВТЕЛСАТОМ в 1999 г. вещания со спутникового телеканала Сербии в Европе, кодирование определенных каналов. Можно применить запрет производства или импорта соответствующего принимающего оборудования³². В общем, международное сообщество единодушно в том, что само распределение орбитальных позиций для размещения спутников НТВ может осуществляться (в рамках МСЭ) только при условии их надлежащего использования (материалы Всемирной конференции радиосвязи (ВКР) 1977 г.³³). Это полностью совпадает с положениями Резолюции ГА ООН 110(II) от 3 ноября 1947 г.³⁴, где была осуждена пропаганда, «имеющая целью или способная создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акты агрессии». Однозначно можно сделать вывод о том, что регулирование деятельности государств в области НТВ нуждается и в дальнейшем техническом регулировании и справедливом распределении мест для спутников на ГСО (геостационарная орбита), а также в правовом регулировании данного вида деятельности, хотя достижение каких-либо обязательных договоренностей в области НТВ пока видится проблематичным, несмотря на то что ООН остается главной и самой перспективной площадкой для обсуждения указанных проблем. Так, в периоды с 2004 по 2017 г. и с 2019 г. при ООН функционирует Группа правительственных экспертов (ГПЭ) по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности³⁵. С июня 2019 г. по инициативе России при ООН функционирует и новый орган — Рабочая группа ООН открытого состава (РГОС) по международной информационной безопасности³⁶. ГА ООН приняла Резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций

²⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.12.2021).

²⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 01.12.2021).

²⁸ URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 01.12.2021).

²⁹ Адамов И.Н. Указ. соч. С. 17–23.

³⁰

³¹ URL: <https://www.agentura.ru/press/almanar/> (дата обращения: 01.12.2021).

³² Powell J. Op. cit. P. 3–350.

³³ URL: <https://www.itu.int/en/history/Pages/Radio-Conferences.aspx?conf=4.99> (дата обращения: 01.12.21).

³⁴ URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/110%28II%29> (дата обращения: 01.12.2021).

³⁵ URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/65/201&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 01.12.2021).

³⁶ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4632970 (дата обращения: 01.12.2021).

в контексте международной безопасности»³⁷ и еще одну — «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»³⁸.

Сегодня мы живем в мире использования новых технологий, которые уже приносят ощутимые плоды и открывают новые перспективы развития, повышения образовательного уровня и процветания человечества в будущем. Это и покрытие земного шара глобальной информационной сетью — Интернетом, и дальнейшее освоение космоса, и создание баз на Луне, и т.д. Однако эта сфера деятельности человека остается и наименее защищенной, так как и космические аппараты, и наземные системы управления легко могут стать уязвимыми для кибератак, осуществляемых как отдельными хакерами, так и террористическими группировками. Получив доступ к системе космического аппарата, можно осуществить фактически любой сценарий — отключать систему GPS и ГЛОНАСС, украсть любую информацию, исказить информацию таким образом, чтобы нанести ущерб государствам-пользователям. Известно, что еще в 1998 г. в результате хакерской атаки было осуществлено проникновение в систему Центра космических полетов имени Годдарда в США (Мэриленд), был взят под контроль и выведен из строя американско-немец-

кий исследовательский спутник ROSAT X-Ray³⁹. Таким образом, безопасность получаемой со спутников информации уже подвергается угрозе в результате кибератак. Вызывает беспокойство тот факт, что сегодня нет каких-либо правовых норм для обеспечения кибербезопасности космических аппаратов и сопутствующей наземной инфраструктуры как на международном, так и на национальном уровнях. Определенные усилия в этой области, как уже указывалось, осуществляются на уровне ООН. В качестве желаемого результата может быть подписание Конвенции по использованию кибертехнологий в сфере космической инфраструктуры по образцу и подобию Брюссельской конвенции 1974 г. «О распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники»⁴⁰. В документе можно было бы уделить особое внимание защите от кибератак космических аппаратов, объектов ядерной инфраструктуры, разработать технические процедуры контроля за исполнением положений будущей конвенции и объединить усилия государств против незаинтересованных в соблюдении запрета государств. Принятие такого международного договора стимулировало бы государства для изменения и своего национального законодательства в этой области.

³⁹ Tucker P. The NSA Is Studying Satellite Hacking // Defense One. 2019. September 20. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2019/09/nsa-studying-satellite-hacking/160009/> (дата обращения: 01.12.2021).

⁴⁰ СПС «Гарант».

³⁷ URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 01.12.2021).

³⁸ URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/187> (дата обращения: 01.12.2021).

Литература

1. Адамов И.Н. Международно-правовое регулирование использования искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания / И.Н. Адамов // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 4. С. 17–23.
2. Бабина Е.А. Международно-правовое регулирование дистанционного зондирования из космоса с помощью искусственных спутников Земли / Е.А. Бабина // Международное право. 2014. № 4. С. 1–16.
3. Верещетин В.С. Космос: политика и право / В.С. Верещетин, Е.П. Каменецкая, Э.Г. Василевская. Москва: Прогресс, 1987. 202 с.
4. Данельян А.А. Международно-правовые аспекты кибербезопасности / А.А. Данельян, Е.Е. Гуляева // Moscow Journal of International Law. 2020. № 1. С. 44–53.
5. Каменецкая Е.П. Космос и международные организации: международно-правовые проблемы / Е.П. Каменецкая. Москва: Наука, 1980. 168 с.

References

1. Ervin, S. Law in a Vacuum: The Common Heritage in Outer Space Law / S. Ervin // Boston College International and Comparative Law Review. 1984. Vol. 9. Iss. 2. P. 403–431.
2. Galloway, E. Direct broadcast satellites and space law / E. Galloway // Journal of Space Law. 1975. Vol. 3. Iss. 1–2. P. 3–17.
3. Powell, J. Towards a Negotiable Definition of Propaganda for International Agreements Related to Direct Broadcast Satellites / J. Powell // Law and Contemporary Problems. 1982. Vol. 45. Iss. 1. P. 3–350.
4. Tucker, P. The NSA Is Studying Satellite Hacking / P. Tucker // Defense One. 2019. September 20.

Надо ли в Российской Федерации ликвидировать частное обвинение?

Титов Павел Михайлович,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
titov1995@yandex.ru

В статье осуществляется анализ проекта Федерального закона об изменениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предполагающего ликвидацию частного обвинения. Полемизируя с этим предложением, автор приводит аргументы в пользу сохранения частного обвинения. Утверждается, что отказ от частного обвинения вызовет резкое усиление нагрузки не только на органы дознания, но в конечном счете и на судей. Кроме того, неизбежно произойдет рост судимостей среди лиц, совершивших незначительные преступления, что негативно скажется на социальной обстановке в государстве. Автор предлагает рассматривать перевод некоторых дел о некоторых составах преступлений в категорию частного обвинения как более эффективное направление гуманизации уголовной политики, чем признание подобных деяний административными правонарушениями.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, частное обвинение, частно-публичное обвинение, примирение сторон, прекращение уголовного дела.

Уголовное судопроизводство в целом носит публичный характер. Это обусловлено самой природой, сущностью данного вида деятельности. Уголовное судопроизводство выступает реакцией государства в лице его компетентных органов на совершенное преступление, посредством уголовно-процессуальной деятельности реализуется правоохранительная функция государства, обеспечиваются законность и права граждан.

При этом в Российской Федерации существует так называемое частное обвинение — особый порядок судопроизводства по уголовным делам, предполагающий определенные отступления от публично-го начала. Данные отступления сводятся к следующим ключевым моментам:

— уголовное дело возбуждается только по заявлению самого потерпевшего или, в исключительных случаях, по заявлению законного представителя потерпевшего;

— заявление подается потерпевшим мировому судье, который по результатам изучения заявления принимает решение о принятии его к производству, что по правовым последствиям соответствует возбуждению уголовного дела;

— заявление потерпевшего о примирении с обвиняемым выступает обязательным основанием для прекращения уголовного дела.

Расширение диспозитивности по делам частного обвинения позволяет добиться нескольких важных задач.

Во-первых, с учетом особенностей преступлений, дела о которых разрешаются в порядке частного обвинения, обеспечивается соблюдение воли потерпевшего на осуществление уголовного преследования. Поскольку соответствующие преступления посягают прежде всего на частные интересы конкретного потерпевшего и лишь в минимальной степени — на государственные и общественные ценности, такой подход представляется оправданным. Он гарантирует уважение позиции потерпевшего и в то же время позволяет добиться решения общегосударственных задач.

Во-вторых, частное обвинение рассматривается прежде всего не как средство назначения виновному уголовного наказания, а как способ разрешения конфликта, когда интересы потерпевшего считаются восстановленными, а виновный при этом подвергся необходимому воспитательно-

му воздействию в ходе привлечения к уголовной ответственности. Помимо прочего, такое воздействие служит важным профилактическим средством. Небезосновательно полагается, что само привлечение лица к уголовной ответственности в рамках частного обвинения, его «погружение» в уголовно-процессуальную деятельность в качестве обвиняемого оказывает на это лицо мощное превентивное воздействие, которое способно предотвратить совершение данным лицом в будущем других преступлений, в том числе более тяжких.

Частное обвинение занимает свою нишу в общем массиве уголовных дел. В соответствии со статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 г. судами рассматривалось 5968 дел частного обвинения, возбужденных по заявлениям потерпевших, т.е. путем непосредственной подачи заявлений мировым судьям¹.

С одной стороны, частное обвинение не может занимать много места в условиях публичного уголовного процесса. Разумеется, недопустимо относить к частному обвинению дела по тяжким и особо тяжким преступлениям, хищения в крупных размерах, посягательства на интересы государства в сфере незаконного оборота наркотических средств, оружия и т.п. С другой стороны, по тем делам, по которым возможно разрешение конфликта без осуждения виновного, частное обвинение вполне органично и гармонично вписывается в общую модель уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

В этой связи следует обратить особое внимание на проект Федерального закона об изменениях Уголовно-процессуального кодекса, который был внесен в Государственную Думу Верховным Судом Российской Федерации и предполагает отказ от частного обвинения, перевод всех соответствующих дел в категорию частно-публичного обвинения².

Безусловно, Верховный Суд Российской Федерации, внося такой законопроект, исходил из необходимости повышения уровня защиты интересов потерпевших. Главная претензия к частному обвинению, высказанная не только при внесении проекта Федерального закона, но и ранее в ряде научных работ, — то, что этот порядок не обеспечивает интересы потерпевших, вынуждая их самостоятельно заниматься сбором доказательств, выдвижением и поддержанием обвинения³.

Вместе с тем предложение о полной ликвидации частного обвинения выглядит излишне радикальным.

Во-первых, для ликвидации частного обвинения нет весомых исторических предпосылок. Данный институт существовал в Российской империи, был сохранен в условиях социализма, остался и в Российской Федерации. В настоящее время частное обвинение весьма успешно функционирует в ряде ведущих государств Европы, в том числе в Федеративной Республике Германии. Такая устойчивость частного обвинения свидетельствует о его эффективности, о том, что существование частного обвинения обусловлено не идеологическими, а сугубо прагматическими моментами.

Во-вторых, официальные статистические данные подтверждают жизнеспособность частного обвинения. Относительно малый количественный показатель подобных дел свидетельствует о том, что в ходе разрешения заявления между потерпевшим и обвиняемым достигается примирение, и дело после этого прекращается. Однако в тех случаях, когда потерпевший по каким-либо причинам твердо намерен добиться осуждения виновного и назначения ему наказания, это и происходит. В этой связи В.В. Дорошков спра-

«О проекте Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 1161, частью первой статьи 1281 Уголовного кодекса Российской Федерации)”» / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 04.12.2021).

¹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 04.12.2021).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 3

³ Голубов И.И. К вопросу о преимуществе дознания над частным обвинением // Российский судья. 2016. № 5. С. 27–33.

ведливо отмечает: «В качестве цели (назначения) уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Однако сторонники ликвидации частного обвинения почему-то либо забывают о наличии по делам частного обвинения, помимо прав, еще и законных частных интересов граждан, либо просто игнорируют их наличие. Эффективность защиты этих прав и интересов во многом зависит от того, насколько полно и с минимальными материальными и моральными затратами они защищаются»⁴. Именно частное обвинение создает необходимые условия для защиты частных прав потерпевших, несколько отличающихся от публично-правовых интересов.

В-третьих, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законом механизмы перевода частного обвинения в публичное способны обеспечить охрану прав тех потерпевших, которые не в состоянии защитить себя самостоятельно⁵. В этой связи профессор А.В. Гриненко справедливо отмечает: «То, что обвинение выдвигается и поддерживается не государственными органами и должностными лицами, а самим пострадавшим лицом, отнюдь не означает, что эта деятельность не обеспечивается государственными мерами воздействия»⁶.

В-четвертых, полный отказ от частного обвинения повлечет невозможность автоматического прекращения уголовных дел в силу примирения потерпевшего с обвиняемым. Если такие уголовные дела (например, о причинении легкого вреда здоровью) будут возбуждаться органом предварительного расследования, прекращение дела будет обязательно рассматриваться как брак в работе, и поэтому органы расследования постараются не допустить прекращения дел. В настоящее время так и происходит в тех спорных случаях, когда дело возбуждается органом дознания (например, когда не полностью установлены сведения о личности обвиняемого). Очень

часто органы дознания берут явно надуманные заявления о том, что потерпевший якобы находится в беспомощном или зависимом от виновного состоянии, только чтобы не допустить прекращения дела. Но если такая ситуация будет складываться повсеместно, обязательно последует резкий рост судимости для лиц, совершивших малозначительные бытовые преступления, что с социальной точки зрения крайне нежелательно. Профилактическое значение, которое сейчас выполняет частное обвинение, будет утрачено.

В-пятых, перевод преступлений, дела о которых в настоящее время рассматриваются в порядке частного обвинения, в категорию частно-публичного обвинения, неизбежно приведет к увеличению нагрузки на органы дознания. Однако это будет всего лишь «эффектом первой степени», за которым обязательно последует «эффект второй степени» — усиление нагрузки на судей. Ведь если в настоящее время мировой судья принимает и разрешает заявления — и зачастую такое рассмотрение приводит к примирению, что автоматически избавляет от необходимости дальнейшего судопроизводства, — то с переводом дел в категорию частно-публичного обвинения данная возможность полностью утратится. В суд будут поступать не заявления, а уголовные дела, и судья станет рассматривать их в полном объеме, что, разумеется, усилит нагрузку на судей.

В-шестых, именно некоторое расширение дел, отнесенных к частному обвинению, способно обеспечить подлинную гуманизацию законодательства. До настоящего времени главным направлением в гуманизации рассматривался перевод преступлений в административные правонарушения. Однако этот путь не всегда эффективен. Анализ последствий такого рода декриминализации преступлений представляет собой тему отдельного исследования. Вместе с тем необходимо отметить, что законодательство об административных правонарушениях не располагает столь же развитой системой положений общего характера, как уголовное право (например, в административном праве отсутствует понятие «покушение на правонарушение»), и это зачастую приводит к существенным сложностям в привлечении лица к административной ответственности. Кроме того, следует за-

⁴ Дорошков В.В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? // Мировой судья. 2021. № 4. С. 5.

⁵ Матвеева Д.М. Особенности возбуждения и разрешения уголовных дел частного обвинения // Судья. 2019. № 12. С. 60–61.

⁶ Гриненко А.В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования // Мировой судья. 2018. № 2. С. 15.

метить, что зачастую в категорию административных правонарушений переводятся деяния, обладающие несомненной общественной опасностью, и по своей природе они должны рассматриваться как преступления.

В то же время перевод дел по некоторым составам преступлений в частное обвинение способен более эффективно разрешить проблему. С одной стороны, деяние останется в сфере именно уголовной, а не административной ответственности (то есть будет считаться преступлением, а не правонарушением), что в гораздо большей степени соответствует характеру и степени общественной опасности деяния. С другой стороны, привлечение к ответственности за совершение такого деяния будет ставиться в зависимости от усмотрения потерпевшего. В итоге

сложится весьма эффективная модель реагирования на деяния и сформируется механизм наступления ответственности за их совершение.

Приведенные аргументы не означают, что действующий порядок производства по делам частного обвинения идеален и не нуждается в совершенствовании. Однако представляется, что у частного обвинения есть будущее и его ликвидация не требуется. Иными словами, порядок частного обвинения нуждается в дальнейшем совершенствовании на основе глубоких теоретических исследований и анализа практики правоприменения, однако частное обвинение остается вполне эффективным направлением уголовно-процессуальной деятельности, способным занять свое место в общей структуре уголовного судопроизводства.

Литература

1. Голубов И.И. К вопросу о преимуществе дознания над частным обвинением / И.И. Голубов // Российский судья. 2016. № 5. С. 27–33.
2. Гриненко А.В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования / А.В. Гриненко // Мировой судья. 2018. № 2. С. 14–17.
3. Дорошков В.В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? / В.В. Дорошков // Мировой судья. 2021. № 4. С. 3–11.
4. Матвеева Д.М. Особенности возбуждения и разрешения уголовных дел частного обвинения / Д.М. Матвеева // Судья. 2019. № 12. С. 58–63.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Конституционный Суд РФ обязал законодателя уточнить порядок и условия подачи обвинения (подозреваемым) повторного заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок

Не соответствующими требованиям статей Конституции РФ признаны часть 7 статьи 3 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" и часть 5 статьи 250 КАС РФ в той мере, в какой они препятствуют подаче обвиняемым (подозреваемым) нового (повторного) административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок до истечения второго четырехлетнего срока.

Конституционный Суд отметил, что указанные нормы по их буквальному смыслу не предполагают, что у обвиняемого отсутствует право на повторный иск, однако в них не определены условия допустимости такого иска, не установлены критерии оценки фактических обстоятельств в соотношении с периодом, который уже был предметом судебной проверки, и не сформулированы иные требования к заявлению о присуждении компенсации.

Федеральному законодателю надлежит в кратчайшие сроки внести соответствующие уточнения в действующее правовое регулирование. До этого суды не вправе отказывать обвиняемым (подозреваемым) в принятии нового (повторного) заявления, если оно подано по истечении одного года после вступления в силу судебного решения об удовлетворении или об отказе в удовлетворении предшествующего заявления.

См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2022 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова»

Защита чувств верующих: переосмысление проблемы

Мамедов Алиаскер Эльманович,

аспирант Московского педагогического государственного университета

mamedov.aliasker2014@yandex.ru

Статья посвящена социально-правовой оценке Закона о защите чувств верующих, анализу зарубежного опыта в этом вопросе, исследованию различных мнений о данной уголовно-правовой норме. Автор поддерживает уголовно-правовую охрану религиозных убеждений и делает попытку ответить ряду критиков статьи 148 УК РФ, в том числе на основе судебной практики ЕСПЧ. Вывод: уголовная норма нуждается в конкретизации и смягчении, однако охрана религии от диффамации нужна.

Ключевые слова: защита чувств верующих, оскорбление верующих, диффамация религии, свобода совести, свобода слова, ЕСПЧ, ООН.

«Государство обязано обеспечить, нейтрально и беспристрастно, исповедание различных религий, верований и убеждений. Его функция заключается в содействии поддержанию общественного порядка, религиозной гармонии и терпимости в демократическом обществе, особенно между противостоящими группами. Это касается отношений верующих и неверующих и отношений между приверженцами различных религий, верований и убеждений», — по Постановлению Большой палаты ЕСПЧ по делу «Лейла Шахин против Турции»¹.

Летом 2013 г. был принят так называемый Закон о защите чувств верующих (Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»²), встреченный широкой общественной дискуссией. Противники данного нововведения опасались «союза алтаря и трона», проводили

анalogии с «мистическим браком церкви и государства»³. О.В. Мартышин писал, что рассматриваемый закон (изменения в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴, далее — УК РФ), по существу, под «лицемерным прикрытием» возвращает действовавший в Российской империи правовой институт преступлений против господствующей религии⁵.

Но В.А. Новиков, напротив, еще в 2014 г. отмечал, что такие деяния (оскорбление и унижение религиозных чувств верующих) участились, «представляют общественную опасность, и за их совершение должна быть предусмотрена уголовная ответственность»⁶.

Актуальность темы обосновывается остротой проблемы, накопившейся практикой резонансных дел и стремлением дать собственную социально-правовую оценку по прошествии нескольких лет, что позво-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 ноября 2005 г. по делу «Лейла Сахин против Турции» (жалоба № 44774/98) // СПС «Гарант».

² Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Мартышин О.В. Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (статья первая) // Государство и право. 2016. № 1. С. 30.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 22.

⁶ Новиков В.А. К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств и убеждений верующих // Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства : сб. ст. / рук. авт. кол. и тех. ред. Н.А. Ясько. М. : РУДН, 2014. С. 193.

ляет более трезво и объективно взглянуть на ситуацию.

В УК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960, в ред. от 27.08.1993, утратил силу) была ст. 143 «Нарушение свободы совести и вероисповедания», которая, в частности, запрещала «оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии с использованием в этих целях СМИ или в иной публичной форме». Инициатива реанимировать в УК РФ подобную норму появилась после акции панк-молебна активисток Pussy Riot «Богородица, Путина прогони!» и скандального процесса над ними. «Теперь “оскорбление чувств верующих” дамочным мечом нависает над каждым произведением искусства и каждой дискуссией в обществе на религиозные темы», — беспокоилась А.С. Борисова⁷. Историк В.В. Вяткин предупреждал: «Важно защищать науку от инквизиторских поползновений. А то дождемся, что труд по истории религии не напечатаешь без согласия духовенства, что уже ожидает вузовские учебники по религиоведению. [...] Большинство верующих... религиозно безграмотны... ничто не мешает им оскорбиться по пустым поводам»⁸. Хочется отметить, что в государствах, имеющих трудности с демократией, где практикуются неправовые, «закулисные» формы взаимодействия с религиозными институтами, такое возможно. Однако это не проблема верующих как таковых, а уголовная новелла сама по себе не дает де-юре никаких оснований прибегать к таким практикам. Сегодня, с высоты 2022 г., интересным будет вновь обратиться к юридическим проблемам ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ и оценить опасения, высказанные в прошлом десятилетии.

Так, в 2015 г. некоторые студенты НИУ ВШЭ в ходе дебатов на тему ч. 1 ст. 148 УК РФ допускали, что верующим может быть человек, верящий в научно-технический прогресс (намеренно игнорируя явно религиозный смысл термина, о чем прямо указано в диспозиции нормы), что хиджаб может оскорбить представителей других религий; предлагали законодательно

защитить «чувства неверующих»...⁹ Как видим, за ношение хиджаба пока не было возбуждено (и не могло быть) ни одного уголовного дела, а словосочетание «чувства верующих», вызвавшее у студентов недопонимание, присутствовало в российском законодательстве еще до реформы ст. 148 УК РФ и было в достаточной степени ясным. Например, 7 января объявлялся нерабочим днем в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1990 г.¹⁰ из уважения к «религиозным чувствам верующих» (за подписью, кстати, мусульманина Р.И. Хасбулатова). Роспатент в своем Приказе от 23 марта 2001 г. № 39¹¹ рекомендовал «учитывать чувства верующих», не называя, к примеру, водку «Исповедальной» (что может оскорбить христиан), а свиные мясные консервы — «Курбан-байрамом»¹² (что может оскорбить мусульман). В том же году, что и Закон о защите чувств верующих, кстати, была принята Концепция внешней политики РФ (12.02.2013), ставившая в качестве одной из задач укоренение толерантности и недопущение оскорбления чувств верующих¹³.

Обратим также внимание и на то, что Верховный Суд РФ разъяснял ранее и «явное неуважение к обществу» (см. ПП ВС РФ от 15.11.2007 № 45¹⁴), и «публичность» деяния (см. ПП ВС РФ от 28.06.2011 № 11¹⁵).

⁹ Шаблинский А. Дебаты: «Свобода слова vs право на уважение религиозных чувств» // Факультет права НИУ ВШЭ. 2015. 21 февраля.

¹⁰ Постановление Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1990 г. «Об объявлении 7 января (Рождества Христова) нерабочим днем» // СПС «Гарант».

¹¹ Приказ Роспатента от 23 марта 2001 г. № 39 (ред. от 06.07.2001) «Об утверждении Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² В упомянутом приказе, правда, исламский праздник ошибочно поименован «Гурам-байрам».

¹³ Романовский Г.Б. Ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания (защита чувств верующих) // Гражданин и право. 2014. № 6. С. 18.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстре-

⁷ Борисова А.С. Право на «религиозное чувство»: юридические аспекты защиты верующих // Юридические исследования. 2015. № 8. С. 1–19. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.8.15430.

⁸ Вяткин В.В. Наука печального образа // Независимая газета. Религии. 2013. 6 марта.

Кроме вышесказанного, критики рассматриваемого закона часто цитируют Евангелие от Матфея: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20), — дескать, неспособный двигать горы есть неверующий, и поэтому он не может быть оскорблен. Ответ на эту глупость совершенно очевиден: религиозные тексты отличаются духовно-просветительскими, нравственными оценками и аллегорическими иносказаниями, и никто не наделял их формально-юридической определенностью (особенно с учетом наличия отличающихся переводов и толкований), ни один государственный орган не легализовывал терминологию Священных Писаний. А о том, насколько Евангелие от Матфея применимо как руководство для нехристианских верующих, и говорить не стоит.

По нашему убеждению, факт оскорбления по ч. 1 ст. 148 УК РФ должен определяться не личными оценками оскорбленного, а анализом корректности слов и действий в отношении универсальных и общепризнанных верующими догм и святынь конкретной конфессии. Так, думается, нельзя считать оскорблением чувств верующих по смыслу ст. 148 УК РФ намеренное несоблюдение поста, отрицание религиозных предписаний и нежелание их выполнять (за исключением отдельных случаев, типа правил посещения храма), несогласие с той или иной догматической характеристикой (эпитетами) действующих лиц религиозного учения. Но, например, злонамеренное демонстрация перевернутого креста как сатанинского символа в местах, предназначенных для христианского культа, или привод свињи в мечеть — это деяния, которые смело можно считать преступными по ст. 148 УК РФ. В этом ключе точно высказался П.В. Бахметьев: под правовую защиту взяты «не чувства отдельного человека и не божество как объект религиозного почитания», расчет был на «защиту исторически сложившихся нравственных отношений в части отношения к религии и объектам религиозного поклонения»¹⁶

мистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты :

(правда, П.В. Бахметьев имел в виду первоначальный проект закона).

А.В. Шнитенков почему-то истолковал норму в том русле, что распространение атеистических убеждений теперь уголовно наказуемо, а посему налицо противоречие ст. 28 Конституции Российской Федерации¹⁷ (далее — Конституция РФ) (принцип свободы совести и вероисповедания). И так, нашумевшим событием стало дело Р.Г. Соколовского, осужденного на условный срок в 2017 г. Организация Amnesty International признала его узником совести, а ПЦ «Мемориал» (считается властями РФ «иноагентом»¹⁸) — политзаключенным. О деле часто говорят, что жестокий приговор видеоблогер получил всего лишь «за ловлю покемонов в храме», между тем довольно редко упоминаются важные факты: Руслана Соколовского судили по нескольким эпизодам ч. 1 ст. 148 УК РФ (за оскорбительные высказывания в адрес Иисуса Христа, основ христианства, нецензурную лексику на манер церковного пения), а также ч. 1 ст. 282 и ст. 138.1 УК РФ (последнюю статью исключил из обвинения Свердловский облсуд), что уже меняет общую картину, давая понять, что предметом разбирательства стала не сама игра Pokemon Go в храме.

За 2016 г. можем наблюдать несколько приговоров. Суд оштрафовал на 35 тыс. руб. преподавателя Оренбургского медицинского университета С. Лазарова, который в статье «Злой Христос» приводил резко негативные эпитеты в отношении Иисуса Христа. На 230 часов исправительных работ были осуждены К. Казанцев и Р. Шайдуллин за «самодельное чучело с оскорбительной надписью» на поклонном кресте (Кировская область). Два года условно получил С. Османов, который «ударил статую Будды и помочился на нее»

дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 135–136.

¹⁷ Шнитенков А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности // Современное право. 2014. № 3. С. 108 ; Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Прим.: необходимое упоминание в связи с новеллами в законодательстве об «иноагентах».

(Элиста)¹⁹. Как видим, следствие не пошло по пути преследования за атеизм, осужденные явно неподобающе высказывались или действовали, а наказания не были «драконовскими».

А.А. Исаева заявляет, что рассматриваемыми нововведениями нарушается ст. 14 Конституции РФ, т.е. принцип светскости государства²⁰. А разве этот закон объединяет религиозные институты и государство (в «мистический брак» или «симфонию»)? Конечно нет. Религиозные организации даже не участвуют в экспертизах. Почему надо приравнивать светскость к политике атеизма, не представляется ясным.

Вообще, многочисленные опасения о нарушении Конституции РФ упираются в странный факт: до сих пор в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) не поступило ни одного запроса о проверке конституционности ст. 148 УК РФ.

В 2021 г. тема оскорбления чувств верующих вновь актуализировалась двумя резонансными инцидентами. Инстаграм-блогеры Р. Бобиев и А. Чистова впервые получили реальные сроки (10 месяцев колонии общего режима) по ст. 148 УК РФ. В объектив их провокационного фото, на котором «общественники», а с их подачи — правоохранители, угладели имитацию оральных ласк (при этом девушка была в полицейской форме, что сыграло свою роль), попал храм Василия Блаженного. Молодым людям в связи с этим вменили оскорбление православных христиан, хотя остались большие сомнения в наличии прямого умысла. С другой стороны, суд отпустил из-под домашнего ареста петербурженку И. Волкову, которая за полуобнаженное фото на фоне Исаакиевского собора обвинялась по ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Разная строгость за схожие деяния и сомнения в справедливости их квалификации настораживают. Действительно ли молодые люди имели прямой умысел оскорбить? Могут ли являться действующие музеи и архитектурные символы религиозными местами по смыслу уголовного закона? Как

определить степень общественной опасности такого деяния и как избежать сомнительных вольных трактовок провокационных действий?

Статья 148 УК РФ, как и ряд других уголовных статей, к сожалению, содержит комплекс проблем в виде нарушения юридической техники, размытости формулировок, отсутствия необходимых примечаний и т.д., о чем написано много работ. Говорит ли это в пользу изъятия из УК РФ ответственности за оскорбление религии (верующих, их религиозных чувств)? Нет. Центральный тезис настоящей работы — в том, что устранению подлежат *дефекты* ст. 148, а не сама ст. 148 УК РФ!

Председатель КС РФ В.Д. Зорькин отмечает: нельзя «ограничиваться простым порицанием участников акций, которые оскорбили чувства верующих». «Публичное оскорбление религиозных чувств... следует считать акцией не только безнравственной, но и противозаконной, поскольку оно наносит моральный вред последователям религии, а значит, ущемляет их права», а «свобода самовыражения, если это... не произвол, возможна только в правовых формах, которая не допускает причинение морального ущерба другим лицам, означающего нарушение их прав»²¹. Солидарны с такой позицией, особенно на фоне того, что, по последнему опросу ВЦИОМ, религиозных верующих в России около 76%²². Не говоря уже об отдельных регионах России, доля религиозности населения которых куда выше среднероссийских показателей.

«Почему защищаются чувства только верующих, а не агностиков и не атеистов?» — вопрошает О.В. Мартышин. Ему вторит историк Н. Шабуров (РГГУ), считающий, что атеисты превращены в «людей второго сорта, юридически неравных верующим»²³. Убеждены, что с этим нельзя согласиться. Вспомним, что ст. 282 УК РФ защищает все социальные группы от воз-

¹⁹ Козичев Е., Федуненко Е., Шкуренок О. Что нужно знать о 148-й статье УК РФ? // Коммерсантъ. 2017. 11 мая.

²⁰ Исаева А.А. Запрет на оскорбление религиозных чувств и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 42.

²¹ Глава Конституционного Суда РФ считает противозаконными попытки публично оскорбить чувства верующих. URL: <http://pravovrn.ru/?p=5325> (дата обращения: 02.12.2021).

²² ВЦИОМ: Аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 01.12.2021).

²³ Мартышин О.В. Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (статья вторая) // Государство и право. 2016. № 2. С. 24.

буждения ненависти или вражды в равной степени. На наш взгляд, атеисты не нуждаются в обособленной от ст. 282 УК РФ защите, так как их личные убеждения не носят такого коллективного, сакрального и догматически определенного характера, как убеждения религиозные, сложившиеся исторически и традиционно. Нельзя по ст. 282 УК РФ привлечь гражданина, оскорбительно высказавшегося, например, о Деве Марии и надругавшегося над ее образом, но при этом напрямую не задев в негативном ключе собственно христиан и их убеждения. Или за что, в отсутствие ч. 1 ст. 148 УК РФ, наказывать человека, публикующего провокационные оскорбительные фото/видеоматериалы с Кораном, деятелями ислама или в связи с мусульманскими религиозными обрядами? Как раз тут и нужна ст. 148 УК РФ. Между тем какие преступные действия можно совершить в отношении, скажем, атеистов (как группы), которые нельзя было бы квалифицировать по ст. 282 УК РФ? Неужели сжечь книгу Р. Доккинза? Вопрос риторический.

А.В. Матецкая по рассматриваемой уголовной норме с усмешкой проводит аналогию с Индией, которую называют «республикой оскорбленных чувств»²⁴. Считаем, что в таком случае необходимо провести объективное сопоставление с иностранным и международным опытом в данном вопросе. Так, статья 216 УК Турции запрещает «публичное унижение религиозных чувств и чести населения». Нелишним будет и напомнить о странах с сильным религиозным влиянием, как, например, Израиль и государства исламского мира — тут, очевидно, уголовное право по рассматриваемой теме стоит на куда более жестких началах.

Религиозные убеждения — чувствительная сфера и в странах западного мира. Вспомним скандал 2012 г. в Греции вокруг пьесы «Тело Христово», где главные библейские лица выставлялись в качестве представителей сексуальных меньшинств. За кощунство в Греции — три уголовные статьи (198, 199, 201) плюс особый Закон об оскорблении чувств верующих. В Ирландии РКЦ считается охранительницей веры большинства граждан, поэтому

в Конституции (1937) запрещено «оскорбление религиозных верований и символов». В статье 524 УК Испании запрещено «совершение в церкви или иных местах, предназначенных для проведения религиозных мероприятий, действий, оскорбляющих религиозные чувства». УК ФРГ содержит §166 «Оскорбление вероисповеданий, религиозных обществ и мировоззренческих объединений». Уголовное право Польши также не обходит стороной вопросы религиозных чувств (ст. 196 УК РП). Статья 147 УК Нидерландов, § 140 УК Дании, ст. 342 УК Мальты — это еще одни европейские примеры уголовно-правовой охраны религии в том или ином виде (от богохульства, кощунства, злословия, препятствование обрядам и пр.)²⁵.

Обращаясь к практике ЕСПЧ²⁶, можно обнаружить широкий правовой инструментарий. Так, по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии»²⁷ Суд постановил (20.09.1994): «Способы критики или отрицания религиозных учений и убеждений могут повлечь за собой ответственность государства, если оно не обеспечивает спокойного пользования правом, гарантированным ст. 9 [Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод] всем, кто придерживается этих учений и убеждений. В экстремальных ситуациях результат критики или отрицания религиозных убеждений может быть таким, что воспрепятствует свободе придерживаться или выражать такие убеждения». Оскорбительные изображения предметов религиозного культа могут рассматриваться как «злонамеренное нарушение духа терпимости, который является отличительной чертой демократического общества».

Что касается опасений по поводу «неприкасаемости» верующих и их религиозных учений, то тут же суд выражает интересную позицию: «У тех, кто открыто выражает свою религиозную веру, независимо от принадлежности к религиозному большинству или меньшинству, нет разум-

²⁴ Матецкая А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: российский контекст // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 36.

²⁵ Романовский Г.Б. Указ. соч. С. 19–20.

²⁶ Массу решений ЕСПЧ вокруг морально-этических вопросов см.: Левинсон А.С. Допустимый уровень «безнравственности»: европейское право и традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 2. С. 213–232.

²⁷ URL: https://european-court.ru/uploads/ECHR_Otto_Preminger_v_Austria_20_09_1994.pdf

ных оснований ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере».

Далее, 25 ноября 1996 г. по делу «Уингроу против Соединенного Королевства»²⁸ Европейский Суд отметил, что закон оценивает действия как оскорбляющие чувства верующих, если они «при помощи уничижительного, бранного, оскорбительного, грубого и нелепого тона, стиля и духа» способны вызвать «справедливое негодование среди тех, кто верует и поддерживает предания и этику христианства». Эту позицию можно экстраполировать и на другие религии.

Отвечая на опасения, не подпадает ли критика священнослужителей под действие ст. 148 УК РФ, надо вспомнить дело «Клейн против Словакии»²⁹ (2006). В 1997 г. Клейн в своей газетной статье зло высмеивал архиепископа, за что был осужден по ст. 198 УК Словакии «Дискредитация нации, расы и веры». «Страсбургская Фемида» не согласилась, что, затронув личность архиепископа, заявитель тем самым дискредитировал и унизил верующих католиков. ЕСПЧ согласился с доводом заявителя, что газетная заметка «не только не представляла собой вмешательство в право верующих на свободу исповедовать свою религию, но и не опорочила сущности их религиозной веры». Суд признал, что власти Словакии нарушили ст. 10 ЕКПЧ.

Приведем также постановление ЕСПЧ по «Гиневски (Giniewski) против Франции» от 31 января 2006 г.³⁰ Папа Римский Иоанн Павел II написал энциклику «Сияние истины», а журналист П. Гиневски отреагировал на нее газетной статьей «Мрак заблуждения», в которой изложил свои соображения о том, что христианская догматика содержит антииудаизм, который породил анти-

семитизм, давший, в свою очередь, почву для Освенцима. За это Гиневски и редактор «Еженедельника Парижа» были приговорены к штрафу за клевету в адрес сообщества христиан. Европейский Суд установил, что даже если материалы «могут обидеть, шокировать или причинить беспокойство», то это не может автоматически быть поводом для уголовного преследования в отсутствие подстрекательства к ненависти или вражде. Если католики вдохновляются энцикликой папы римского и признают его власть, то другие, считают в Страсбурге, имеют такое же право относиться к нему и его деятельности скептически.

Нужно принять во внимание и Резолюцию Совета по правам человека ООН № 4/9 от 30 апреля 2007 г. «Борьба против диффамации религий»³¹ (в иные годы ООН также принимала резолюции с аналогичным названием), которая призвала государства бороться с глумлением над религией и распространением подстрекательских материалов против нее и верующих.

Основываясь на вышеизложенном, мы стоим на позиции сохранения в Российской Федерации запрета на оскорбление религиозных чувств (или на аналогичное деяние с иным, юридически более подходящим названием). Однако во избежание несправедливого преследования, вольных трактовок, разумно оценивая степень общественной опасности, мы считаем:

(а) нужно принять во внимание предложения авторитетных ученых-юристов по такой текстуальной корректировке уголовной нормы, которая более точно сформулирует объект уголовно-правовой охраны, что не оставит следствию и суду нерегламентированное широкое поле для вольной трактовки деяний, подчас политически мотивированной;

(б) практика Европейского Суда, акты международных инстанций дают более конкретный и достаточный правовой инструментарий по данной тематике и подлежат учету при ведении уголовных дел по ст. 148 УК РФ;

(в) следует установить **административную преюдицию** для ч. 1 ст. 148 УК РФ на основе ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правона-

²⁸ URL: https://european-court.ru/uploads/ECHR_Wingrove_v_The_United_Kingdom_25_11_1996.pdf

²⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 октября 2006 г. по делу «Клейн против Словакии» (жалоба № 72208/01) (IV Секция) (извлечение) // СПС «Гарант».

³⁰ Постановление ЕСПЧ от 31 января 2006 г. «Дело «Гиневски (Giniewski) против Франции»» (жалоба № 64016/00) // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_19.pdf

рушениях³² (уголовная ответственность наступает после одного или двух административных правонарушений).

Это позволит снизить накал общественных противоречий, избежать как несправедливого обвинения, так и незащищенности религии и сакральных убеждений многочисленных верующих; также это ми-

нимизирует возможность жестокого наказания за неопасные для общества и порой неоднозначные деяния³³.

³² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «Консультант-Плюс».

³³ Научные изыскания автора по рассматриваемой теме были представлены в ходе Ежегодной межвузовской студенческой научно-практической конференции по правовой компаративистике «Глобализация, цифровизация и правовая карта мира» (ИКБСП РТУ МИРЭА, декабрь 2019 г.) и VI Межвузовской студенческой научной конференции «Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы» (ИСГО МПГУ, декабрь 2021 г.).

Литература

1. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты : диссертация кандидата юридических наук / П.В. Бахметьев. Краснодар, 2017. 239 с.
2. Борисова А.С. Право на «религиозное чувство»: юридические аспекты защиты верующих / А.С. Борисова // Юридические исследования. 2015. № 8. С. 1–19. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.8.15430.
3. Вяткин В.В. Наука печального образа / В.В. Вяткин // Независимая газета. Религии. 2013. 6 марта.
4. Исаева А.А. Запрет на оскорбление религиозных чувств и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ / А.А. Исаева // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 37–42.
5. Козичев Е. Что нужно знать о 148-й статье УК РФ? / Е. Козичев, Е. Федуненко, О. Шкурченко // Коммерсантъ. 2017. 11 мая.
6. Левинсон А.С. Допустимый уровень «безнравственности»: европейское право и традиционные ценности / А.С. Левинсон // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 2. С. 213–232.
7. Мартышин О.В. Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (статья первая) / О.В. Мартышин // Государство и право. 2016. № 1. С. 21–30.
8. Мартышин О.В. Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (статья вторая) / О.В. Мартышин // Государство и право. 2016. № 2. С. 22–31.
9. Матецкая А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: российский контекст / А.В. Матецкая // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 36–45.
10. Новиков В.А. К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств и убеждений верующих / В.А. Новиков // Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 13 ноября 2014 г.) : сборник научных статей / технический редактор Н.А. Ясько. Москва : РУДН, 2014. С. 190–195.
11. Романовский Г.Б. Ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания (защита чувств верующих) / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. 2014. № 6. С. 15–24.
12. Шаблинский А. Дебаты: «Свобода слова vs право на уважение религиозных чувств» / А. Шаблинский // Факультет права НИУ ВШЭ. 2015. 21 февраля.
13. Шнитенков А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности / А.В. Шнитенков // Современное право. 2014. № 3. С. 107–109.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Дискуссионные вопросы момента окончания продолжаемого взяточничества: критический анализ разъяснений пленумов Верховных Судов СССР и РФ

Пономарев Николай Сергеевич,
полковник милиции в отставке,
заслуженный работник Министерства внутренних дел Российской Федерации
6294834@mail.ru

Статья посвящена критическому анализу разъяснений пленумов Верховных Судов СССР и РФ, касающихся определения момента окончания так называемого продолжаемого взяточничества. Основная цель статьи — изложить собственный взгляд на проблему, которая в прямой постановке вопроса в юридической литературе ранее не рассматривалась. Автор ставит под сомнение обоснованность разъяснений высших судебных органов по данному вопросу, подрывающих, по его мнению, закрепленный в Конституции Российской Федерации принцип верховенства закона.

Ключевые слова: взяточничество, формальные, материальные составы, разъяснения пленумов Верховных Судов, продолжаемое преступление, общее покровительство.

В настоящее время в правоприменительной практике одной из острых проблем является квалификация так называемого продолжаемого взяточничества. Эти трудности во многом обусловлены природой и содержанием рассматриваемого уникального уголовно наказуемого деяния. Все дело в том, что взяточничество как преступление коррупционного характера обладает сложной и многоступенчатой структурой, рядом специфических особенностей, которые выделяют его среди других уголовно наказуемых деяний и кодируют действия субъекта, оказывая значительное воздействие на его поведение.

Первая отличительная черта взяточничества состоит в том, что, казалось бы, абсолютно разрозненные преступные деяния — получение взятки (ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации¹, далее — УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) — на самом деле представляют собой единое преступление и неразрывно связаны друг с другом. Указанные физические акты не могут существовать сами по себе, изолированно друг от друга, они еди-

ны, внутренне взаимосвязаны и взаимозависимы. Действительно, как можно получить взятку, если ее никто не дает? Так же как и невозможно дать взятку, если подношение будет отвергнуто и всякие надежды на ее вручение потерпят крушение.

Соответственно, трудно себе представить ситуацию, при которой появляется фигура посредника, осуществляющего транзит денег или иных ценностей от взяткодателя к взяткополучателю, если отсутствует хотя бы одна из сторон криминальной сделки. Налицо юридическая фикция: преступление одно, а самостоятельная уголовная ответственность установлена за его составные части, отдельные элементы. Изменение существенных свойств деяния происходит в процессе его трансформации из одного состояния в другое: на смену даче взятки приходит ее получение, а посредничество в определенных случаях объединяет эти акты. «В этих трех деяниях, — пишет П.С. Яни, — один состав, лишь технологически — для удобства квалификации! — они разделены на несколько статей Особенной части»². Словом, искусственное разделение данного деяния на три незави-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Яни П.С. Взяточничество: понятие и объект // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 1. С. 68.

симых и самостоятельных преступления имеет лишь вспомогательное процессуальное значение.

Вторая и, может быть, самая главная особенность взяточничества заключается в том, что оно выражается не только в единичном акте, объединяющем все условия теневой сделки, но и в неоднократных действиях, совершаемых на протяжении более или менее длительного времени. Неоднократная деятельность, в свою очередь, подразделяется на совокупность преступлений и единое продолжаемое деяние. Причем каждая из названных разновидностей или форм преступной деятельности обладает набором специфических и присущих только ей признаков и, естественно, имеет свои объективные юридические границы — начало и окончание деяния. «Совокупностью, — говорится в ст. 17 УК РФ, — признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статьи настоящего Кодекса, ни за одно из которых лицо не было осуждено».

Концепция продолжаемого преступления была сформулирована теорией уголовного права и получила свое закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23. Продолжаемым, согласно п. 2 данного постановления, «признается преступление, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление»³. Пленум, однако, не ограничился общей констатацией этого положения. Он расширил его, четко определив юридические границы деяния: началом продолжаемого преступления надлежит считать совершение первого действия из числа нескольких тождественных действий, составляющих одно продолжаемое преступление, а концом — момент совершения последнего преступного действия⁴, за пределами которых даже взаимосвязанные действия не могут считаться единичным преступлением.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // Сборник постановлений пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М.: Спарк, 1997. С. 5–6.

⁴ Там же.

Таким образом, можно заключить, что отдельные физические акты, состоящие в даче либо получении взятки в несколько приемов, хотя и содержат в себе все признаки самостоятельного противоправного посягательства, в рамках продолжаемого преступления являются лишь частью, этапом реализации общего умысла виновных лиц и не требуют самостоятельной квалификации. Такие эпизоды криминальной деятельности, в отличие от совокупности преступлений, в определенных случаях могут рассматриваться лишь в качестве покушения. Подобная юридическая оценка вполне оправдана и справедлива, поскольку объем вредных последствий в неоконченной преступной деятельности значительно меньше того ущерба, который может быть причинен при выполнении всех намеченных действий.

Покушение тем и отличается от оконченного преступления, что не причиняет тех вредных последствий, которые могут наступить в результате совершения заранее спланированных суммарных действий. Между взяткодателем и взяткополучателем выстраивается особая система взаимоотношений, в рамках которой реализуются преступные намерения. Виновные, как правило, оценивают не только физический смысл своих поступков, но и их правовые последствия, включая повышенные риски разоблачения, которые несут в себе неоднократные действия. Именно поэтому момент окончания рассматриваемой формы взяточничества органически связан с завершением всей цепочки действий, образующей единое продолжаемое преступление, и по времени совпадает с передачей должностному лицу последней части незаконного вознаграждения.

Казалось бы, общие принципы квалификации продолжаемых преступлений должны использоваться и по делам о взяточничестве, однако этого не произошло. Проблемы, связанные с юридической оценкой такого рода деяний и их правовых последствий, стали предметом дискуссий. Отсюда разнообразие и изменчивость правоприменительной практики. В частности, Пленум Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» в п. 6 сформулировал иные, отличные от предыдущих разъяснений, правила квалификации данных деяний: «Преступления — получение,

дача взятки, посредничество во взяточничестве — считаются оконченными с момента принятия получателем хотя бы части взятки». Правда, сразу, в следующих абзацах того же пункта, он сделал принципиально важную оговорку: «В тех случаях, когда предполагаемая взятка не принята, действия взяткодателя следует квалифицировать как покушение на дачу взятки, а посредника — как покушение на посредничество. Если же обусловленная взятка не была получена по обстоятельствам, не зависящим от воли взяткополучателя, содеянное им должно квалифицироваться как покушение на получение взятки»⁵.

Из приведенного разъяснения следует, что в тех случаях, когда взятка отвергнута должностным лицом, содеянное должно расцениваться как покушение на взяточничество. Не является исключением из общих правил достаточно распространенный пример, когда взяткодатель лично или через посредника по предварительной договоренности намеревается передать должностному лицу денежное вознаграждение в два транша, но при попытке вручить первую часть обусловленной суммы задерживается работниками правоохранительных органов. В самом деле: взятка уже отвергнута чиновником, а ее передача лишь имитируется (как правило, под контролем оперативных работников) с целью создания иллюзии, ложных представлений у взяткодателя о сути происходящих событий.

Высший судебный орган общей юрисдикции современной России, восприняв основные постулаты своего предтечи, предельно сузил трактовку продолжаемого преступления, усилив тем самым его карательную направленность. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 (п. 10) указал: «Получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ценностей». Далее, излагая общие подходы к оценке подобных фактов, он подчеркнул: «Если взяткодатель намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном или

крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не составляет указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дача либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере»⁶. Нельзя не заметить, что в правовой позиции высшего судебного органа предварительная преступная деятельность в форме покушения на продолжаемое взяточничество фактически ликвидируется, что, безусловно, ведет к нарушению прав и законных интересов граждан, ухудшению их процессуального положения. Достаточно напомнить, что в соответствии с действующим уголовным законодательством размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей от своего максимального значения (ч. 3 ст. 66 УК РФ).

В настоящее время суды, опираясь на эти разъяснения, расценивают действия виновных лиц как преступление, совершенное в значительном, крупном или особо крупном размерах, даже в тех случаях, когда сумма незаконного вознаграждения, переданная взяткополучателю, оказывается гораздо меньше обещанной и не содержит соответствующих квалифицирующих признаков. Обвинение фактически строится на основании голословных обещаний, не подкрепленных конкретными действиями, оставляя открытым вопрос о наличии возможности, а самое главное — о желании взяткодателя выполнить все условия достигнутых договоренностей. Показательно в этом отношении следующее дело.

Межрайонной налоговой инспекцией по результатам выездной проверки хозяйственной деятельности ООО «Спецдорстрой» предложено дополнительно начислить в бюджет налог на добавленную стоимость за 2013–2014 годы в размере 20 млн рублей. Руководитель данного предприятия С.А. Мамян, желая уменьшить сумму доначисляемого налога с 20 до 6–8 млн рублей, решил дать взятку начальнику отдела выездных проверок Золотоверхой В.В. в размере 2 млн рублей. В це-

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1977 гг.); в 2 ч. Ч. 2. М.: Известия, 1978. С. 516.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9. С. 2.

лях реализации преступных намерений С.А. Мамян вручил В.В. Золотоверхой, действующей к тому времени под контролем сотрудников УФСБ, 1 млн рублей в качестве части взятки, обещая позже передать оставшуюся часть денежных средств. После передачи взятки он был задержан сотрудниками УФСБ и осужден Центральным районным судом г. Волгограда за дачу взятки должностному лицу в особо крупном размере по ч. 5 ст. 291 УК РФ. Однако С.А. Мамян, признав факт передачи Золотоверхой В.В. денежных средств в сумме 1 млн рублей, вместе с тем категорически отвергал свою вину в даче взятки в особо крупном размере. В судебном заседании он заявил, что не планировал передавать ей оставшуюся часть обещанных денег⁷. Любопытно, что, постановляя приговор, суд не только не опроверг доводы подсудимого, но и не счел возможным мотивировать принятое решение. Учитывая размер фактически переданной взятки, с нашей точки зрения, действия С.А. Мамяна следовало бы квалифицировать по ст. 30 и ч. 4 ст. 291 УК РФ как покушение на взяточничество в крупном размере.

По верному замечанию С.В. Асерчева, взятка — это не то, что обещано, а то, что взято фактически. То, что обещано, но фактически не взято, есть посул⁸. Действительно, стоит лишь изменить условия и представить себе ситуацию, при которой, например, взяткодатель, вступив в сговор с должностным лицом, вместо обещанных 500 тыс. руб. (взятка в крупном размере) вручает ему 1,2 млн руб., т.е. дает взятку в особо крупном размере, как рушится вся конструкция приведенной правовой позиции. Вне всякого сомнения, в данном случае при юридической оценке действий виновного органы предварительного следствия и суд будут исходить из размера фактически полученного вознаграждения, отвергая голословные обещания взяткодателя.

Можно рассмотреть и другие варианты, но это — предмет отдельного анали-

за. Вполне очевидно, что закон обращается не к воображению и чувствам человека, а в первую очередь к его противоправным поступкам. В действиях и только в действиях, а не в намерениях и обещаниях проявляются и «материализуются» общественно опасные последствия взяточничества. Так же как и в последствиях, а не в образе мыслей и суждениях проявляются и живут действия субъекта, определяя характер и степень общественной опасности деяния. Еще К. Маркс в своей работе «Заметки о новейшей Прусской цензурной инструкции» убедительно доказал диалектическую зависимость ответственности человека за конкретные поступки, а не за намерения. «Законы, которые делают главным критерием не действия как таковые, а образ мыслей действующего лица, — это не что иное, как позитивные санкции беззакония. ... Помимо своих действий, — справедливо писал классик, — я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»⁹.

На чем же основаны рекомендации Пленума? И насколько они согласуются с современными научными представлениями об этом социально-правовом феномене и требованиями закона? Приведенные рекомендации, как представляется, не совсем логичны и проистекают из ошибок концептуального характера. Подменяя близкие, но не равнозначные правовые явления — действительные последствия и абстрактные намерения, — Пленум необоснованно оторвал действия от их результата, разрушив тем самым законодательную конструкцию состава взяточничества. Он исходил не из реальных фактов, а из предположений.

Между тем закон объединяет только те элементы объективной стороны, без которых вообще невозможно признать деяние преступлением. Все действия участников коррупционных отношений, несмотря на их многообразие, сводятся в конечном счете к передаче и получению незаконного вознаграждения в обусловленной сумме. Занимая особое место в этой цепочке, посредник, как правило, не посвящается в детали преступления, а выполняет разовые поручения взяткодателя или взяткополучателя (например, водитель служебного автомобиля). Но если строго следовать

⁷ Приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 15 декабря 2016 г. по делу № 1-249/2016 // URL: https://zent-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_vnum=1&name_op=doc&number=20150404&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

⁸ Асерчев С.В. О понятии подкупа в уголовном законодательстве России // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. С. 69.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 14.

рекомендациям высшей судебной инстанции, то действия всех участников криминальной сделки, в том числе и посредника, должны расцениваться как оконченное преступление.

Существуют ли научные инструменты познания, позволяющие преодолеть вышеприведенную коллизию? Безусловно, существуют. Для разрешения правовой неопределенности, вызванной, мягко говоря, неоднозначными разъяснениями Пленума, имеет значение использование принятого в теории уголовного права деления преступлений на деяния с формальным и материальным составами. Формальные составы в предложенной классификации характеризуются только действиями. Вредные последствия в них не указываются; они скрыты и непосредственно интегрированы в конструкцию состава преступления.

Совсем иначе обстоит дело с материальными составами, в которых законодатель, наоборот, расширяет картину преступной деятельности, включая в нее все признаки объективной стороны: и действия, и последствия, и причинно-следственную связь между ними. Вред имеет в них свое языковое выражение, с помощью которого описываются и раскрываются разновидности ущерба. В качестве такой языковой единицы во взяточничестве выступает размер взятки. В представленной системе координат взяточничество представляет собой классический тип преступлений с материальным составом. Такой подход разделяется большинством авторов, посвятивших свои работы исследованию данного правового явления¹⁰. Однако, как часто бывает в науке, в отечественной юридической литературе существует и другое мнение. Немногочисленная, но достаточно авторитетная часть ученых ставит под сомнение научную обоснованность предложенной классификации¹¹. Их основное возраже-

ние сводится к тому, что все преступления, независимо от того, к какой группе они относятся, влекут за собой вредные последствия. Но с этим аргументом, кстати говоря, особо никто и не спорит.

Нельзя отрицать очевидный факт, что любые преступления (и формальные, и материальные) влекут за собой вредные последствия, иначе они не могут признаваться преступными и криминализироваться. Но характер и масштабы причиняемого вреда в этих уголовно наказуемых деяниях таковы, что на практике их трудно, порой даже невозможно определить и документально зафиксировать. Законодатель, следует полагать, нашел единственно правильный выход из тупиковой ситуации и сам определил вид и тяжесть вредных последствий в преступлениях с формальным составом, освобождая от этой обязанности следственно-судебные органы¹². Отвергая существование формальных и материальных составов, противники этого учения недооценивают теоретическую и практическую значимость предложенного подхода. Нельзя забывать о том, что указанные доктринальные установки, как и многие другие научные абстракции, будучи условными, имеют ключевое значение в восприятии и понимании уголовно-правовых норм, способствуют правильному выбору конкретной части и статьи УК РФ при квалификации преступлений и в конечном счете обеспечивают стабильность в судебной практике. А практика, как известно, — это критерий истины. Одной из задач, которые решает наука, является удовлетворение потребности практики в уяснении содержания уголовно-правовых норм, имея в виду их большое многообразие.

Приведенная классификация открывает широкие возможности для развития учения о преступлении в целом и может стать надежным инструментом при решении сложных теоретических и практических проблем. Материальный состав — это нечто большее, чем просто научная абстракция; это — доктринальная основа решения ряда фундаментальных и прикладных задач уголовного права. Благодаря относительной простоте формализации вредных

¹⁰ Безверхов А.Г. Об особенностях конструирования и классификации составов оконченных преступлений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 1 (9). С. 36–46; Любавина М.А. Квалификация взяточничества: конспект лекций. СПб., 2005. С. 20–21.

¹¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Издательский дом «Городец», 2007. С. 156–184; Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссии с продолжением //

Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 15–28.

¹² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 157.

последствий, преступный вред (физический и материальный) выступает в качестве важного критерия «материализации» общественной опасности деяния и находит адекватное отражение в законе. В частности, исходя из размера причиняемого вреда, уголовное законодательство выделяет квалифицированные виды взяточничества. Так, согласно прим. 1 к ст. 290 УК РФ, взяточничество признается совершенным в значительном размере, если общая сумма взятки, переданная в том или ином виде, превышает двадцать пять тысяч рублей, в крупном размере — сто пятьдесят тысяч рублей, в особо крупном размере — миллион рублей.

Наряду с объективным основанием дифференциации степени общественной опасности деяний и, как следствие, определения объема уголовной репрессии, размер взятки выполняет важную диагностическую функцию. С одной стороны, ориентируясь на размер взятки, предельно точно зафиксированный в законе, органы предварительного следствия и суд имеют возможность выбрать соответствующую уголовно-правовую норму, подлежащую применению в конкретном деле. С другой — размер взятки позволяет им, исходя из общей суммы фактически полученного вознаграждения, установить полноту и степень реализации преступных намерений, т.е. определить стадию совершения преступления.

Но, что еще более важно, помимо неточностей концептуального характера, в упомянутом постановлении высшего судебного органа имеются существенные внутренние противоречия, продиктованные желанием преодолеть возникшие коллизии, являющиеся прямым следствием игнорирования существенных особенностей взяточничества. Для устранения возникшей правовой неопределенности Пленум пытался совместить трактовку продолжаемого преступления с общим покровительством или попустительством по службе (так называемым крышеванием) и придать ему всеобщий характер. Так, стремясь провести грань между совокупностью преступлений и единым продолжаемым преступлением, Пленум, в отличие от предыдущего разъяснения, дает прямо противоположные рекомендации. «От совокупности преступлений, — гласит п. 21 постановления, — следует отличать продолжаемые дачу либо получение в несколько приемов взятки. Как единое продолжа-

емое преступление следует, в частности, квалифицировать систематическое получение взятки от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены единым умыслом»¹³.

«Если общая стоимость полученного должностным лицом имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера превышает двадцать пять тысяч рублей, сто пятьдесят тысяч рублей либо один миллион рублей, — уточняет он свою позицию, — то содеянное может быть квалифицировано как получение взятки соответственно в значительном, крупном либо особо крупном размере лишь в том случае, когда принятие всех ценностей представляло собой эпизоды единого продолжаемого преступления»¹⁴. Следовательно, если первый физический акт, входящий в совокупность продолжаемого получения взятки, сразу был пресечен, то такого рода действия должны расцениваться как покушение на данное преступление и наказываться по правилам ст. 66 УК РФ.

Эту особенность заметил А.Н. Кулагин, но он сконцентрировал свое внимание лишь на оценке точности отражения в данном разъяснении сущности получения взятки за общее покровительство¹⁵. Однако отождествление общего покровительства и продолжаемого преступления при всей привлекательности такого подхода все же является весьма спорным. Единое продолжаемое преступление — это стройная, непротиворечивая модель противоправного посягательства, характерными чертами которого являются особые свойства преступного поведения. Закономерности формирования продолжаемого взяточничества представляют собой существенные, повторяющиеся и устойчивые логические связи и зависимости между отдельными элементами уголовно-правовых норм и прежде всего между целью преступной деятельности и способами ее достижения. Цель является ключевым элементом продолжаемого преступления, она определяет и направляет все последующие действия субъек-

¹³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 173–176.

тов. Обычно в научной литературе под целью совершения преступления понимается результат, к которому стремится преступник¹⁶.

В процессе формирования умысла стороны «опредмечивают» цель преступления, определяют количество противоправных актов, связанных с передачей денег или других ценностей, устанавливают сумму вознаграждения за каждый этап преступной деятельности, уточняют их хронологические рамки. Поэтому единое продолжаемое преступление — это не просто механический набор случайных (или неизбежных) криминальных событий и фактов, а совокупность конкретных действий, объединенных единой целью, мотивом, общей суммой незаконного вознаграждения и числом сделок, совершаемых во исполнение обещанного. Причем каждый этап или эпизод приближает участников теневых отношений к достижению конечной (финальной) цели, а последний из них венчает всю предшествующую преступную деятельность. Разрыв единства цели и действий, неопределенность числа актов, обеспечивающих достижение желаемых результатов, ставят под серьезное сомнение саму возможность отнесения крышевания к числу продолжаемых преступлений.

Гносеологические корни упрощенного понимания общего покровительства (попустительства) по службе как разновидности взяточничества кроются, по-видимому, в несовпадении его сущности с внешней формой. Систематическое получение взяток за общее покровительство — это только форма, в которой поведение субъекта находит свое внешнее проявление. В действительности, оно состоит не в покупке конкретных действий (бездействия), а в динамично развивающихся теневых отношениях, в соответствии с которыми коррумпированный чиновник, монетизируя свои властные полномочия, демонстрирует психологическую мобильность, готовность обеспечить защиту интересов взяточдателя лишь в будущем, в отдаленной перспективе, когда такая необходимость возникнет. Но настанет ли это будущее — никто заранее сказать не может. Именно поэтому нельзя восприни-

мать крышевание как одномерное, жестко детерминированное преступление.

В своей сущности общее покровительство — это неопределенные и во многом противоречивые поступки людей, сопровождающие текущую деятельность коррупционного характера. А любые неопределенные действия, устремленные в неопределенное будущее, предполагают неопределенный результат, несовместимый с требованиями точности и конкретности, предъявляемыми к продолжаемому преступлению. При таком типе социального взаимодействия итогом может стать совсем другой результат, чем тот, на который рассчитывали стороны. Строго говоря, в подобных действиях нет социального обмена, характерного для классической формы коррупции. Коррупционные услуги должностного лица могут вообще не понадобиться, если, например, взяточдатель не попадет в поле зрения правоохранительных органов, а деньги или иные материальные ценности будут передаваться впрок в расчете на предполагаемые действия в перспективе.

Отнюдь не случайно при согласовании условий криминальной сделки детали отложенных (усеченных) действий взяточполучателя, состоящих в расплывчатых и аморфных ожиданиях, как правило, не оговариваются, хотя, по всей вероятности, определяются интуитивно, исходя из объема его полномочий и потенциальных возможностей. На первоначальном этапе участники криминального альянса не располагают достоверной информацией ни о характере коррупционных услуг должностного лица, которые он должен оказать в будущем, ни о моменте выполнения последнего действия, завершающего нелегальную сделку. Любое событие (например, перевод должностного лица в другой регион для дальнейшего прохождения службы, понижение в должности и т.д.) может стать поворотным пунктом, изменяющим стратегию развития неформальных отношений.

Более того, в самой конструкции общего покровительства или попустительства по службе, выступающего, по мысли Пленума, частным случаем, разновидностью продолжаемого преступления, нет «конца», поскольку взяточдатель и взяточполучатель, как уже говорилось, не могут заранее определить ни число противоправных сделок, ни общую сумму вознаграждения,

¹⁶ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М. : ФОРУМ-ИНФРА-М., 1998. С. 99.

назначаемую за их совершение. В процессе крышевания зачастую возникают вторичные побудительные мотивы, искажающие первичную цель. В частности, устанавливая на первоначальном этапе размеры регулярных (реальных или потенциальных) платежей, участники коррупционных отношений в последующем могут изменять условия сделки и повышать («индексировать») их ставки.

В зависимости от сложности и конкретных обстоятельств предоставления криминальных услуг взяточполучатель может потребовать от взяткодателя выплатить ему единовременное вознаграждение, окупающее повышенные риски. В результате умысел, как ключевой признак продолжаемого уголовно-наказуемого деяния, трансформируется и утрачивает свое первоначальное значение.

Итак, конкретные действия и общий размер взятки, составляющие общую цель и сущность единого продолжаемого преступления, при общем покровительстве отсутствуют, что, безусловно, искажает его реальные свойства (признаки). Если конечная (финальная) цель не может быть достигнута в обозримом будущем, то систематическое получение взяток в виде самостоятельных репрезентаций и повторяющихся действий, погашает первичные побудительные мотивы. Во всяком случае, каждый такой акт является самостоятельным преступлением, не увязанным с конечным (финальным) результатом. Отнесение общего покровительства к числу продолжаемых деяний, помимо всего прочего, может привести к абсурдной ситуации, когда получение взяток на протяжении десятилетий будет признаваться единым преступлением, влекущим одно наказание. С учетом сказанного систематически повторяющиеся действия, осуществляемые при общем покровительстве, имеют гораздо больше оснований расцениваться как совокупность преступлений.

С законодательной точки зрения разъяснения Пленума вступают в явное противоречие с базовым принципом уголовной ответственности, закрепленным в ст. 8 Общей части УК РФ. «Основанием уголовной ответственности, — подчеркивается в данной статье, — является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». В другой уголовно-

правовой норме, сформулированной в ч. 1 ст. 29 УК РФ, законодатель, не оставляя никаких сомнений в незыблемости данной аксиомы, прямо устанавливает, что «преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Иными словами, признание виновного в получении взятки, к примеру в особо крупном размере, возможно лишь при условии получения им незаконного вознаграждения на общую сумму, превышающую миллион рублей. Именно признаки конкретного деяния, а не обещания и намерения составляют сущность любого преступного деяния и дают возможность квалифицировать взяточничество по соответствующей части и статье Особенной части Уголовного кодекса.

Следовательно, продолжаемое взяточничество может признаваться оконченным преступлением только в том случае, когда достигнута конечная цель намеченных действий, когда они из абстрактных намерений превращаются в объективную реальность. Этот очевидный и неоспоримый факт свидетельствует о том, что высшая судебная инстанция вышла за пределы закона, встав на скользкий и зыбкий путь, подрывающий принцип верховенства закона как единственно верного и безальтернативного пути устойчивого развития Российской Федерации. По сути дела, Верховный Суд РФ из субъекта применения права, уполномоченного, согласно ст. 126 Конституции Российской Федерации¹⁷ (далее — Конституция РФ), давать разъяснения по вопросам судебной практики и выявлять подлинную волю законодателя, сам превратился в творца закона. Между тем Конституция РФ, оказывающая системное воздействие на все сегменты права и основы правопорядка, не допускает толкования уголовных материальных норм в ином смысле, чем тот, который зафиксирован в УК РФ. Уголовный кодекс, будучи федеральным законом, является объективированным выражением властного веления.

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс».

Это прямо вытекает из положений ст. 4 ч. 2 Конституции РФ. И в этом заключается глубинный смысл архитектуры правового и демократического государства. Именно поэтому Верховный Суд РФ в своих разъяснениях должен предельно точно, без искажений, передавать букву и дух закона. В противном случае отпадает всякая необходимость разъяснять смысл закона, ибо гораздо легче создать новую правовую норму. Но тогда Конституция РФ, содержащая

широкие гарантии прав граждан, станет пустой политической декларацией, не имеющей ничего общего с реальной жизнью.

В заключение можно отметить, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по этой категории дел, как образцы актов применения права, следует привести в соответствие с требованиями закона и внести в правоприменительную практику правовую определенность и стабильность.

Литература

1. Асерчев С.В. О понятии подкупа в уголовном законодательстве России / С.В. Асерчев // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. С. 67–72.
2. Безверхов А.Г. Об особенностях конструирования и классификации состава оконченных преступлений / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 1 (9). С. 36–46.
3. Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссии с продолжением / Н.Е. Крылова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 15–18.
4. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие / В.Н. Кудрявцев. Москва : ФОРУМ ; ИНФРА-М, 1998. 216 с.
5. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. Москва : Госюриздат, 1960. 224 с.
6. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. Москва : Городец, 2007. 336 с.
7. Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества / А.Н. Кулагин // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 173–176.
8. Любавина М.А. Квалификация взяточничества : конспект лекций / М.А. Любавина. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2005. 80 с.
9. Маркс К. Заметки о новейшей Прусской цензурной инструкции / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. В 39 томах. Т. 1. 2-е изд. Москва : Издательство политической литературы, 1955. С. 3–27.
10. Яни П.С. Взяточничество: понятие и объект / П.С. Яни // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2016. № 1. С. 67–78.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

JUSTICE OF THE PEACE

No. 2
2022

SCIENTIFIC-PRACTICE INFORMATION JOURNAL.

Registered with the Federal service for supervision in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
REG. PI No. FC77-29335 of August, 24. 2007. Published monthly. Published since 2003.

Founder of the journal — Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Doroshkov Vladimir Vasil'evich,
Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal
Investigatory Technique of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Secretary of the Plenum (Retired), Judge of the Supreme Court of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education

EDITORIAL BOARD:

Apostolova Natal'ya Nikolaevna,
Professor of Procedural Law Southern-Russian Institute
of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the RF,
LL.D., Associate Professor

Voskobitova Lidiya Alekseevna,
Head of the Chair Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Golovko Leonid Vital'evich,
Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's
Supervision of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Kaplina Oksana Vladimirovna,
Head of the Department of criminal process of the Yaroslav
the Wise National Law University (Kharkov, Ukraine),
LL.D., Professor

Lazareva Valentina Aleksandrovna,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science
of the Samara National Research University named after Academician
S.P. Korolev, LL.D., Professor

Pavlov Sergey Gerasimovich,
Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity
of the Financial University under the Government of the RF,
LL.D., Professor

Patov Nikolai Alexandrovich,
Vice-Rector of the Moscow Psychological and Social University (MPSU),
Doctor of Pedagogy, PhD (Law), Professor,
Academician of the Russian Academy of Education

Popov Ivan Alekseevich,
Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Primak Tat'yana Klavdievna,
Head of the Department of Civil Law and the Process
of the Kant Baltic Federal University, LL.D., Professor

Sachkov Andrej Nikolaevich,
Judge of the Rostov Regional Court, Professor of the Theory and History
of State and Law Department of the Rostov Branch of the Russian State
University of Justice, PhD (Law), Associate Professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
Judge of the Supreme Court of the RF (retired), LL.D., Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F., Truntsevskiy Yu.V.

Editorial Office: Lapteva E.A., Solov'yova D.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law).

Address of the Editorial Board / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Russian subscription: Russian Post — П1700 and on: www.lawinfo.ru

Contents

The Judiciary and International Law

Yu.A. Tsvetkov. What Should Justices
of the Peace be Taught, after All?.....2

K.K. Klevtsov. The Structure of Provisions
Regulating International Cooperation
in Criminal Justice7

I.Yu. Shtodina, D.D. Shtodina.
On Remote Sensing of the Earth within
the Framework of Ensuring International
Information Security.....12

Criminal Proceedings

P.M. Titov. Should Private Prosecution
Be Liquidated in the Russian Federation?.....18

A.E. Mamedov. Protection of Feelings
of Religious Believers: Rethinking
of the Problem.....22

N.S. Ponomarev. Discussion Issues
of the Moment of Termination of Continuing
Bribery: A Critical Analysis of Explanations
of Plenums of Supreme Courts of the USSR
and the Russian Federation29

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.
Use of materials in others editions allowed only with the written consent
of the publisher. Reference to the magazine is required.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of basic results of PhD and doctoral theses
(12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 (law science))

For the attention of our authors!

The journal's materials shall be placed at
ConsultantPlus reference legal system.

Size 170x252. Offset printing. Offset paper No. 1.
Printer's sheet 3,0. Conventional printing sheet 3,0.
Free market price. Circulation 4000 copies. ISSN 2072-4152.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, s. Severnij, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing: 26.01.2022. Issue was published: 03.02.2022.
Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial board
shall be prosecuted in accordance with law.

Journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

What Should Justices of the Peace be Taught, after All?

Yury A. Tsvetkov
 Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy
 of the Investigative Committee of the Russian Federation
 Judge Emeritus
 PhD (Law), Associate Professor

Developing the subject raised by Professor V.V. Doroshkov, the author relies on his experience of work as a justice of the peace to highlight the key points in the legal education of a future justice of the peace and determines additional management competencies that need to be mastered for efficient organization of operations of a judicial district.

Keywords: justice of the peace, lay justice, judicial district, assistant judge, head of secretariat, court hearing secretary.

The Structure of Provisions Regulating International Cooperation in Criminal Justice

Kirill K. Klevtsov
 Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
 of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs
 of the Russian Federation
 PhD (Law)

Based on the insights of the general legal theory, the author attempts at a review of the structure of provisions regulating cooperation between states in the criminal procedure law sphere, as a result, the author comes to respective conclusions that are of importance for general optimization of the international cooperation in crime combating.

Keywords: criminal procedure, provisions, international cooperation, legal assistance, extradition, transfer of judicial proceedings.

On Remote Sensing of the Earth within the Framework of Ensuring International Information Security

Irina Yu. Shtodina
 Associate Professor of the Department of International Law of the Moscow State Institute
 of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
 PhD (Law)

Darya D. Shtodina
 Postgraduate Student of the Department of International Law of the Moscow State Institute
 of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The issue of ensuring international information security in the space environment is both on the international and national agenda, but international law has developed no obligatory legal provisions aimed at guaranteeing cyber security of spacecrafts and auxiliary ground-based infrastructure. Acknowledging the right to the freedom of information, states declare the need to abandon the idea of absolute state sovereignty and instead acknowledge the opportunity to limit the transfer of information in carrying out of RSE (remote sensing of the Earth) and DTB (direct television broadcasting). The article reviews sources of international law regulating RSE and DTB, positions of developed and developing countries on the legal regulation of applied means of the study and use of the space environment. The purpose of the article is to analyze the existing problems of modern international space law within the framework of ensuring international information security taking into account the development of cyber technologies used at RSE and DTB.

Notwithstanding the differences in the international legal positions of the states, the existing problem could be solved by the development and adoption of obligatory international legal provisions in this sphere.

Keywords: international information security, remote sensing of the Earth, cyber space, direct television broadcasting, international space law, cyber-attack.

Should Private Prosecution Be Liquidated in the Russian Federation?

Pavel M. Titov
Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The article analyzes the draft of the Federal Law on amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation stipulating liquidation of private prosecution. The author argues against such proposals and lists facts supporting preservation of private prosecution. It is stated that the abandonment of private prosecution will trigger a sharp workload increase not only for interrogation authorities but, as a result, for judges as well. Besides, there will inevitably rise the number of convictions among persons having committed minor crimes, which will make a negative impact on the social situation in the state. The author suggests reviewing the transfer of some cases on some crime elements to the private prosecution category as a more efficient area of humanization of the criminal policy rather than acknowledging such acts administrative offenses.

Keywords: criminal proceedings, private prosecution, private-public prosecution, reconciliation of the parties, dismissal of a criminal case.

Protection of Feelings of Religious Believers: Rethinking of the Problem

Aliasker E. Mamedov
Postgraduate Student of the Moscow Pedagogical State University

The article is dedicated to a socio-legal evaluation of the Law on Protection of Feelings of Religious Believers, an analysis of the foreign experience on that front, studies various opinions on this criminal law provision. The author supports criminal law protection of religious beliefs and attempts at giving an answer to some critics of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation, including based on the judicial practice of the ECHR. Conclusion: the criminal provision needs to be specified and softened but religion should be protected against defamation.

Keywords: protection of feelings of religious believers, offending religious believers, defamation of religion, freedom of conscience, freedom of expression, ECHR, UN.

Discussion Issues of the Moment of Termination of Continuing Bribery: A Critical Analysis of Explanations of Plenums of Supreme Courts of the USSR and the Russian Federation

Nikolay S. Ponomarev
Retired Police Colonel
Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article is dedicated to a critical analysis of explanations of Plenums of Supreme Courts of the USSR and the Russian Federation concerning the moment of termination of the so-called "continuing bribery". The main purpose of the article is to express the author's view of the problem that has not been directly raised in any legal publications before. The author casts doubt on the justifiability of explanations of supreme judicial authorities concerning this issue and believes that they undermine the principle of supremacy of law enshrined in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: bribery, formally defined, substantive elements, explanations of plenums of Supreme Courts, continuing crime, general patronage.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru